

Литературная газета

№ 39 (602)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Пятница, 10 июля 1936 г.

За качество критики

Бороться за качество работы, упорно учиться, стремиться к совершенствованию, постоянно расти, быть достойным сыном великой родины, суметь отразить происходящие в стране нашей процессы переделки сознания людей — вот те мысли, которые возникают сейчас у большинства творческих работников после опубликования проекта сталинской Конституции, Конституции победившего социализма.

Право на труд и обязанность трудиться так, чтобы дать отзвучие все, что можешь дать, и не исчерпать себя, а с каждым произведением расти, двигаться вперед в ногу с общим движением масс и во главе этого движения — такова благодарная задача, на осуществление которой должны быть направлены все наши помыслы.

Помощь творческим работникам в создании произведений, достойных сталинской эпохи, помощь писателям в борьбе за качество нашей литературы должна быть оказана боевым отрядом писательской организации, литературной критикой.

О значении критики в перестройке литературной работы за время после опубликования исторического решения Центрального Комитета нашей партии о художественной литературе писатели и говорят, и не говорят. Критике нашей эпохи справедливо предъявляются большие требования. Нам не нужна невежественная критика, которая выдергивает отдельные фразы из талантливого произведения и на этом строит статьи и рецензии вместо чуткой и внимательной оценки творчества писателя. Нам не нужна половинчатая, примирительная критика в отношении литературного брака, явно недоброкачественной литературы. Нам не нужно сплошное захваливание произведений даже талантливых авторов. Критика наши обязана по примеру своих великих предшественников — Белинского, Добролюбова, Чернышевского, помогавших созданию русской литературы, по примеру Максима Горького пролагать путь к расцвету советской литературы.

Нашим газетам, нашим литературным журналам в первую очередь, необходимо группировать вокруг себя кадры профессиональных критиков и в то же время создать массовую читательскую критику, предъявляющую высокие требования к литературе от имени читателя, борющуюся в общих рядах литературных критиков за социалистический реализм, за народность и доходчивость художественной литературы, против формалистических вывертов и нарочитых туманностей, прикрывающих эвфемичными фразами отсутствие полноценной мысли.

О всех этих задачах критики, повторяем, неоднократно уже говорилось на многих собраниях писателей и самих критиков, и читателей. Неоднократно писалось об этом же в наших журналах и газетах. И все же такой критики, которая могла бы удовлетворить эти требования у нас, к сожалению, до сих пор мало. Мало у нас такой критики, которая действительно служила бы делу воспитания и дальнейшего роста писателя, которая в самом деле помогала бы созданию советской литературы, достойной эпохи социализма.

Очевидно, что кроме призыва к улучшению, к созданию подлинной советской критики, нужна и конкретная, реальная помощь критикам. Нужно создать условия для их роста, для продуктивной работы. Критики наши в большинстве случаев группируются вокруг критических отделов журналов и газет. В ряде журналов существуют так называемые «прирожденные» критики, но правильно ли используются они, втиснуты ли органически в редакционную жизнь? Неужели использовать уже существующие кадры, загружая их изощренной организационной работой, сводящейся подчас к неуживчивой организационной суете и бесплодному, неумению выдвинуть новые кадры — вот что, к сожалению, характерно для работы большинства наших журналов.

Для того, чтобы писать о художественном произведении, критик обязан знать жизнь, видеть живых людей, героев социалистической стройки, беседовать с ними так же часто, как и писатель. А много ли мы знаем случаев творческих командировок критиков наряду с писателями? Много ли средств отпущено писательскими организациями из имеющихся у них фондов для творческой работы критиков? Для коллективной работы критиков — в центре и на местах — организованы секции критиков. Могут ли эти секции похвалиться большой работой, есть ли у них продуманный план, создают ли они условия для творческого роста всего коллектива? Как правило, этого еще нет.

Плохо поставлена теоретическая учеба критиков. Даже ученики Института красной профессуры литературы в своей сугубо «академической» работе отрываются от конкретной критики, не умеют выработать должным образом теорию с практикой. Уровень научно-исследовательской работы еще очень низок. Ведь до сих пор еще никто не взялся по-настоящему за создание истории советской литературы! Для того, чтобы критика наша сумела выполнить поставленные перед ней задачи, необходима сугубо конкретная, практическая помощь и профессиональным критикам и новым молодым кадрам.

Это не значит, конечно, что критики наши в какой-либо мере могут считать на объективные причины, прикрывая этим свою собственную неактивность, свое нежелание упорным трудом завоевать право на уважение со стороны писателей и читателей.

Для того, чтобы руководить литературой, для того, чтобы учить писателей, нужно много знать, нужно обладать большим художественным вкусом, уметь различать в литературе явления яркие и второстепенные, нужно уметь отличать сериуну, загромаждающую нашу литературу, и сделать невозможным появление брака, являющегося прямым расширением государственных средств.

Для того, чтобы помогать «инженерам человеческих душ», нужно самим обладать творческой душой, иметь горячее сердце, быть подлинным знатоком литературы. Для того, чтобы помогать писателям писать большие произведения о великой любви к человечеству, о ненависти к врагам народа, нужно самим горячо, по-большевистски любить людей, помнить, что во имя великого пролетарского гуманизма должны быть созданы большие художественные произведения, помогающие людям освободиться от накипи прошлого, воспитать в себе могучие человеческие мысли и чувства.

Подписка на заем среди писателей

Постановление правительства о выпуске займа четвертого года второй пятилетки вызвало волну энтузиазма среди трудящихся масс.

ЦК союза издательских работников послал много телеграмм и радиogram, в которых работники печати, находящиеся в отпуску, сообщают о своем желании подписаться на заем и просят оставить для них облигации на ту или иную сумму.

Каждый день газеты сообщают об успешной реализации в стране займа четвертого года второй пятилетки. Некоторые предприятия уже закончили подписку.

Успешно проходит подписка на заем среди издательских работников Москвы. В Гослитиздате заем полностью реализован. Общая сумма подписки составляет 116 процентов трехмесячной зарплаты работников Гослитиздата.

Подписка на заем в Детиздате охватывает 92 процента общего числа служащих, но сумма трехмесячного заработка превышена на 35,7 процента.

В издательстве «Советский писатель» сумма подписки составляет 93,9 процента трехмесячной зарплаты.

В журнально-газетном объединении 654 сотрудника подписались на 207.705 руб. при факте месячной зарплаты в 109.400 рублей.

В издательстве «Молодая гвардия» подписка на заем составляет 48.575 рублей, или 102,5 процента месячной зарплаты.

Слабее идет подписка в издательстве «История фабрик и заводов». Сотрудники издательства «ИФЗ» подписались пока на 44.909 рублей, что составляет 83,1 процента месячной зарплаты.

Но покажите даже самых отстающих издательств гораздо выше результатов подписки на заем в группах писателей. Вот факты: из 290 человек дружка при Гослитиздате подписались всего 150 человек. Группой драматургов объединяет 236 человек. Заемом охвачено пока 170 человек. В дружке при издательстве «Советский писатель» состоит 300 человек, на заем подписались... 90.

Нужно прямо сказать, что работники дружков плохо подготовились

к проведению займовой кампании среди писателей. В этом сознают сами работники групповых драматургов, в своем письме в ЦК союза издательских работников. В группе при Гослитиздате вся сложная и ответственная работа по реализации займа возложена на технического секретаря.

Руководители дружковом вместо того, чтобы по-настоящему выискивать реализацию займа, «утопают» себя тем, что подписка идет хорошо. Они не учитывают того, что сумма подписки может быть значительно увеличена, если ею будут охвачены все, без исключения, писатели.

При наличии ряда передовиков подписки на заем, какими в частности в группах драматургов являются Н. Ф. Погодин (13.000 руб.), В. Шершеневич (12.000 руб.), В. Киришин и М. Гальперин (по 10.000 руб.), А. Бруштейн и Р. Янушевский (по 6.000 руб.), В. Катаев (5.000 руб.), некоторые писатели, живущие в Москве, до сих пор «не успели» подписаться на заем.

В ЛЕНИНГРАДЕ

В ленинградском управлении авторских прав подписка на заем достигла 160.000 рублей.

Вследствие неготовности комсомола дружка писателей с комсомолом издательства слабо проходит подписка среди писателей.

До сих пор неизвестно, где должны писатели оформить подписку. Для удобства расчетов, дружок считает, что писательскую подписку должны проводить издательства. Однако комсомол «Молодой гвардии» и Детиздата отказались проводить подписку среди своих авторских кадров.

Только комсом Гослитиздата начал подписку кампанию среди писателей, успев за все время принять подписку у... двух писателей.

В результате организационной неразберихи в самом дружке до сих пор оформлена подписка только 60 литераторов, не связанных с издательскими договорами.

По телеграфу.

Товарищи Сталин, Молотов, Калинин, Димитров и Микоян приветствуют проходящих физкультурников на общесоюзном физкультурном параде 6 июля 1936 года.

ДРУЖБА ФРАНЦУЗСКОГО И СОВЕТСКОГО НАРОДОВ

Речь Андрэ Жида

НА СОБРАНИИ ЛЕНИНГРАДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И УЧЕНЫХ

С момента моего приезда и по мере того теплого приема, который мне здесь оказали, я увидел, что множество тончайших нитей связало мое сердце с нашим городом, и теперь оно сжимается при мысли о предстоящем отъезде.

То радение, с которым меня встречали здесь и которым я беспочвенно тронут, те красоты, которые я увидел здесь, и весь блеск революционного прошлого Ленинграда с первых же шагов пленили меня. Москва была для меня исключительно интересна тем, что увидев ее, я живо представил себе все великое и слабое будущее Советского Союза. Но те далекие исторические воспоминания, которые пробудила во мне Москва, связавшись главным образом, с походом Наполеона, захватившей попыткой французского капитализма, срыве скоро потерпевшей крах. В Ленинграде же многие памятники архитектуры напоминают мне об очень близких и плодотворных культурных взаимоотношениях, связывавших Россию и Францию.

Мне хочется угадать в этих дружных взаимоотношениях, в этом духовном соревновании, охватывающем лучшие стороны культуры, объединившем все самое смелое и новое, далеких предшественников и бесстрашное присутствие того, что должно в наши дни осуществиться интернациональное объединение в борьбе за освобождение трудящихся всего мира.

Надо, однако, заметить, что в прошлом все связи двух стран ограничи-

вались личными отношениями великих людей с разными монархами и обилием отдельных великих умов России и Франции. Те же отношения, которые сблизивают нас сейчас и которые мы всемерно стараемся укрепить, отмечены совершенно иным. Они начинают связывать полные народы, соединяют воюющие интеллигенции и весь рабочий класс, чего мы никогда до этого не видели в истории. И сейчас я не просто обращаюсь к вам от своего имени. Говоря о своей любви к Советскому Союзу, я перепадаю чувства огромной массы французских трудящихся. Я буду очень счастлив, если мое присутствие здесь, так же как и присутствие моих товарищей, поможет нам возобновить связи двух наших народов уже на совершенно иной основе.

Я всегда восстаю против среднего между расами, которое, по мнению некоторых националистов, является непреодолимым и должно, если им верить, навсегда лишить народы какой бы то ни было возможности понять друг друга и добиться духовного общения. С самых молодых лет я относился с братским чувством к тому, что мне представляло как якобы чуждую, непонятную тайну славянской души. У меня было сознание тесной духовной общности с великими представителями вашей литературы, которых я научился по-

нимать и любить после того как покинул лицей.

Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский, Пушкин, поэты — Шедриг, Соллогуб, Чехов и наконец прекрасный Горький (я называю лишь тех, которых уже нет в живых), — с какой любовью и с каким чувством признавательности. Ибо они обогатили меня с особым поразительным искусством раскрытия человека вообще и меня лично, осветили такие области души, которые другие литературы оставляли, как мне казалось, необследованными. Я никогда не щадил усилий, чтобы ознакомиться с этой старой русской литературой и современной советской и заставить французам полюбить эту литературу.

Мы часто бываем очень плохо освещены, как с той, так и с другой стороны могут быть иногда большие промахи и очень досадные упущения. Но как и я сам, так и при соединившие ко мне и Шер Эбра-Рю товарищи: Жюф Ласт, Шифрин, Дабит и Гилу, двое из которых являются членами коммунистической партии, мы все хотим, чтобы наше путешествие по СССР разнесло нам все воочию и чтобы, вернувшись к себе, мы смогли возможно лучше рассказать об этом французскому народу, который с исключительным интересом и большой жаждой всматривается во все новое, что Советский Союз несет на смену старому миру.

НАСЛЕДСТВО ГОРЬКОГО И СОВЕТСКАЯ КРИТИКА

НА СОВЕЩАНИИ В РЕДАКЦИИ «ЛИТКРИТИКА»

Редакции журналов «Литературный критик» и «Литературное обозрение» вынесли на обсуждение московских критиков и литературоведов план предстоящей работы этих журналов над литературным наследством Горького.

Правильно заметив, что советская критика мало что сделала для раскрытия всего богатства бесмертных произведений великого родоначальника пролетарской литературы, редактор «Литературного обозрения» М. Розенталь подробно ознакомил собравшихся с содержанием намеченных «Литературный критиком» и «Литературное обозрение» работ по изучению творчества и жизни Горького.

Большое место в плане отведено Горькому как основоположнику социалистического реализма.

Намечено опубликовать статьи на следующие темы: «Горький и проблема народности в литературе», «Горький и проблема революционного романтизма», «Горький и эстетическая тема в советской литературе», «Горький и фольклор» и т. д. Далее план предусматривает публикацию статей, посвященных многочисленным вышедшим Горького о путях развития советской литературы, его замечаниям о языке литературы, о художественной критике, о коллективной писательской работе и т. д. Наконец оба журнала будут давать критические статьи об отдельных произведениях Горького, в частности о недооцененных нашей критикой романах

«Дело Артамоновых», «Клим Самгин» и др.

Участвавший в обсуждении плана ответственный секретарь правления ССП г. В. Ставский заострил внимание собравшихся на больших вопросах нашей критики.

Когда ознакомился с литературным наследством Горького, говорит т. Ставский, поражает всесторонность этого большого человека, его исключительная заинтересованность во всем том, что делается в стране, его крепкая связь с массами.

Уместно поставить вопрос, как наши критики связаны с жизнью? Кто из них случается в шахты, кто связан с лучшими людьми колхозной деревни, с рабочими производства?

Возражая против огульного упрека всей нашей критики в отставании, т. Ставский считает в то же время, что критикам необходимо возможно лучше узнать нашу действительность. Без всестороннего знания жизни советского критика не будет в состоянии раскрыть творчество такого гиганта, как М. Горький, не сможет занять в литературе то место, которое по существу должно ей принадлежать.

Выступившие в прениях гг. В. Ермилов, Ф. Левин, И. Нусинов, Ю. Юзовский, Б. Райх и др. признали правильными замечания т. Ставского и выразили желание реализовать их возможно скорее. Они внесли также свои замечания и дополнения в план, в большинстве принятые редакциями журналов.

В ПРЕЗИДИУМЕ ПРАВЛЕНИЯ ССП СССР

На дискуссии писателей в связи со статьями «Правды» об искусстве выдвинулось со всей остротой, что одним из основных недостатков в работе ССП является слабая связь со всей писательской массой.

Вот почему, поставив вопрос о коренной перестройке работы союза, общесоюзное собрание писателей открыто потребовало, чтобы в первую очередь отказаться от действия по принципу «в общем и в целом»: правление должно знать каждого члена союза советских писателей и кандидатов, войти в круг его интересов, иметь представление о том, что он делает, какие трудности испытывает в процессе своей работы, чем можно помочь ему и т. д.

Реализуя это решение, правление ССП решило в первую очередь поближе познакомиться с писательскими кандидатами в члены союза.

Первые шаги в этом направлении следующие: состоялись «интерпретационные» встречи ряда кандидатов с членами правления: Ив. Катаевым, Л. Леонидом, М. Климовичем, Б. Пильняком, Б. Исаевым и др. Сразу выяснилось, что вопрос о работе с молодыми писателями требует самого неотложного, самого серьезного внимания.

Из выступивших т. М. Климовича и Б. Пильняка, подлинными являются заявления президиума правления (среди) среди выдвинутыми кандидатами, можно сделать вывод, что не всем благополучно обстоит на этом

участке. Некоторые молодые люди, вполне удовлетворенные знанием «кандидата», впадают в собственное соку, не обнаруживая никакой склонности к повышению своей квалификации, к углублению мировоззрения, годами не приступают к серьезной работе, или зачастую по линии наименьшего сопротивления, благо эти отчисления дают и довольно значительные гонорары.

М. Климович привел весьма показательный пример с одним молодым, не лишены способностей, писателем, который в течение 2 лет слал три сценария, получив за них 30 тысяч рублей, при чем ни один из этих сценариев не пошел в производство. Известно, что у таких литераторов должно начаться раннее «ожирение», уничтожающее какие бы то ни было стимулы для творческой работы.

А ведь это не единственный случай. Есть среди кандидатов не мало казуристов, линувших по договорам с различными хозяйственными, профсоюзными и другими организациями, — всякие скатчи, волевики, эстрадные номера. Это «творчество» в огромном большинстве случаев — вне литературы, вне искусства.

Но оно «ворочит». Авторам всей этой макулатуры, собственно, даже безразлично, быть или не быть кандидатом в члены союза советских писателей. Они заинтересованы в этом только как в своего рода «охранной грамоте», «марке».

Выступившие на заседании президиума тт. В. Ставский, П. Павленко,

Р. Эйдемаян, Н. Погодин, В. Ермилов и др. указали, что из всех общесоюзных тт. Климковичем и Пильняком фактов нужно сделать своевременные выводы. Необходимо вывести из обихода тип самодовольного молодого человека, считающего себя писателем на том основании, что он тиснул в печати один-два рассказа или стихотворение. Принимая все меры к тому, чтобы подлинно-талантливые, заслуживающие внимания произведения увидели свет, нужно в то же время покончить с «либерализмом», в силу которого можно печатать и слабые вещи значительных «звезд поощрения». Печатай подобные произведения, журналы оскорбляют своего читателя. Не читывая, не понимая, что в эпоху грандиозного размаха стахановского движения советский читатель поднялся на новый, значительно более высокий уровень культуры.

Правление ССП намерено с большей энергией продолжать начатую работу по пересмотру списка кандидатов. Кое-кого придется в результате этого пересмотра исключить из списка, некоторых, наоборот, перевести в члены союза. Но главное, конечно, не в этих мерах. Главное в том, чтобы организовать, наладить воспитательную работу среди молодых, оказать им творческую помощь.

Выступившим в этом, больше всего важным развитии писательской молодежи является, по определению т. П. Павленко, тепличность обста-

новки в которой она проживает, ее полная оторванность от социалистической действительности, предвещаемая ее профессионализация. К этому присоединяется нередко отсутствие элементарной культуры, элементарных знаний. До сих пор об этом говорилось вообще, теперь придется этим заняться вплотную. Дальнейшие встречи с кандидатами выяснят, кому необходимо переменить обстановку, кто нуждается в серьезной консультации, кто в длительной учебе и т. п.

Несомненно большая ответственность падает на редакцию журналов. Именно они должны затронуть проблему в печати боковой «сетевой» литературы, именно они в состоянии раньше кого бы то ни было выявить свежие дарования, они же должны организовать работу с ними, активно участвуя, таким образом, в деле подготовки новых литературных кадров.

На том же заседании президиума т. Н. Накоряков ознакомил присутствующих с планом первых номеров подготовляемого к печати альманаха «Творчество народов СССР» (см. «Л. Г.» от 5 июля 1936 г.).

План этот был подвергнут критике тт. Эйдемаяном, Ставским, Климковичем, Лахути, Пильняком, Павленко и др.

В альманахах подобного типа, по мнению т. Эйдемаяна, не должны печататься произведения классической литературы наряду с произведениями современников, так как этим не достигается основная цель — дать представление о сходящемся состоянии литературы братских народов.

Да и самый выбор образов современной литературы, по мнению всех остальных ораторов, не отвечает условиям, поставленным в свое время перед альманахом Алексеем Максимовичем Горьким.

Разве допустимо, — спрашивает т. В. Ставский, — отсутствие в плане двух первых номеров альманаха имен орденских писателей Грузии, Азербайджана, Дагестана и т. д.? Разве не их произведения в первую очередь должны быть переведены на русский язык для того, чтобы с ними ознакомилась самая широкая читательская масса Советского Союза?

Значительная доля вины за это, по мнению т. М. Климковича, падает на местные литературные организации, приложившие мало усилий к тому, чтобы в альманахе «Творчество народов СССР» являлись произведения писателей нашей страны. Но и центральная редакция альманаха обнаруживает слабые признаки жизни, не связывается достаточно активно с литературными организациями, не торжествует их.

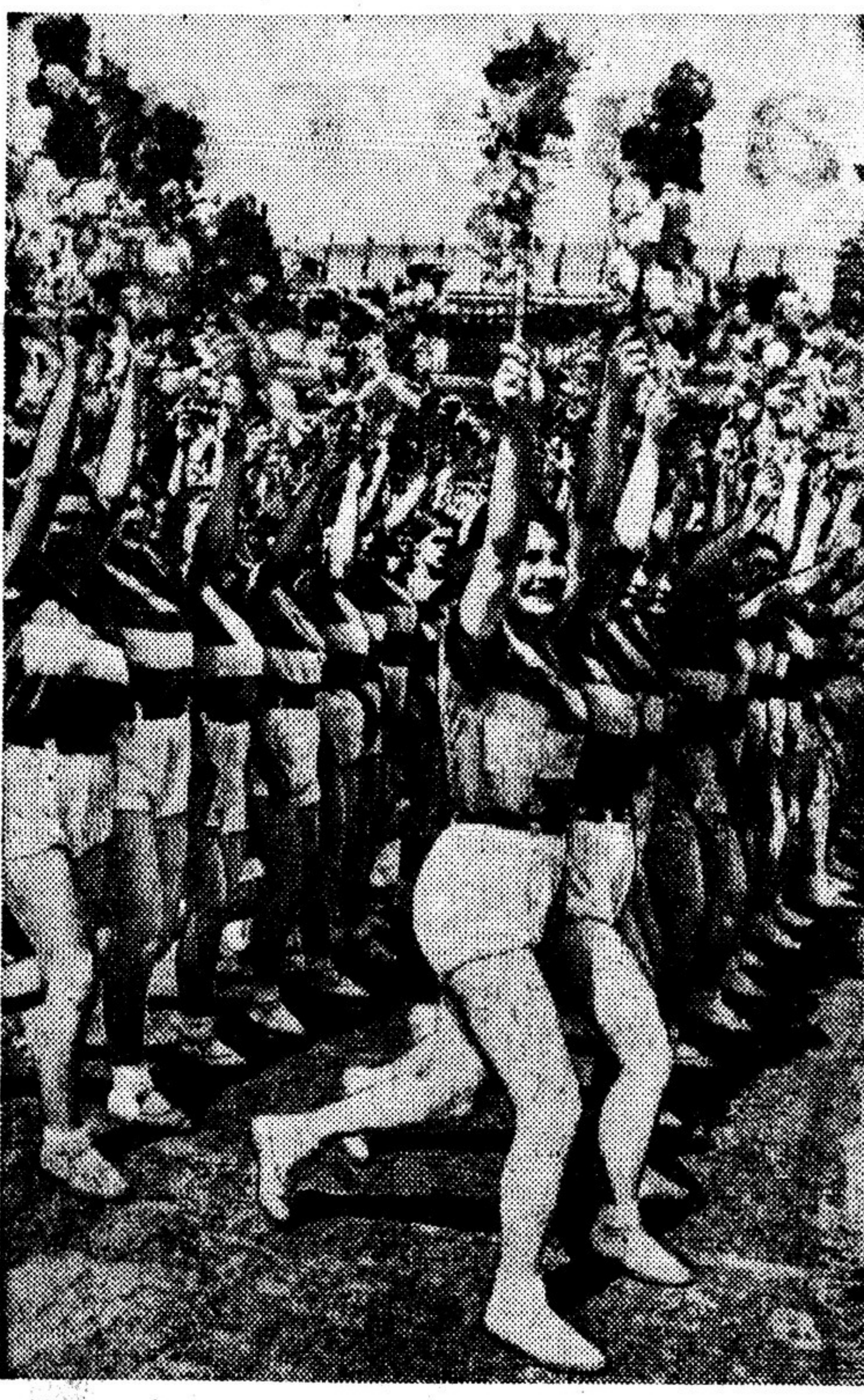
Тов. Лахути обращает особое внимание на качество будущих переводов отобранных произведений. Следует помнить слова Горького, сказанные им в личной беседе о т. Лахути, о том, что большинство произведений народов СССР впервые попадают в поле зрения и зарубежного читателя благодаря тому, что они переводятся на русский язык.

Президиум ССП постановил поставить вопрос о пересмотре плана первого и второго номеров альманаха «Творчество народов СССР».

Две книги Синклера Льюиса

(ЭРРОУСМИТ, «ЭНН ВИКЕРС»)

Н. ЭЙШИСКАИНА

Мотивы факультетной на обще-московском параде факультетников 8 июля 1936 года проходят перед трибунами

ШЕВЧЕНКОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ НА ЗАВОДЕ

ПИСЬМО ИЗ ХАРЬКОВА

Два месяца рабочие «Серпа и молота» активно готовились к конференции, посвященной жизни и творчеству Тараса Григорьевича Шевченко. Это — третья литературная конференция на заводе. Первые две, прошедшие с большим успехом, были посвящены Пушкину и Маяковскому.

Два месяца подготовки не прошли даром: 3075 рабочих прочитали произведения Шевченко; 534 человека посетили картинную галерею Шевченко, находящуюся в Харькове, на 145 читках прозаических произведений в цехах присутствовали 5205 человек; 2735 рабочих слушали в цехах во время перемены доклады на тему о жизни и творчестве Шевченко. В общей сложности свыше 11 тысяч рабочих были привлечены к изучению творчества поэта.

Многим из них произведения Шевченко хорошо известны еще с детства, но подготовка к конференции подыала новую волну любви к поэту, расширила знакомство с ним и усидила жажду еще глубже познать неизмеримое его произведение.

Шевченковская конференция состоялась 30 июня в лачном поселке Комаровка, под Харьковом. В центре живописной долины, окруженной большими деревьями, был установлен большой портрет Т. Г. Шевченко. Здесь же импровизировали трибуны. 600 рабочих «Серпа и молота» прибыли для участия в конференции.

Десять докладов о жизни и творчестве великого поэта, его эпохе, о связи о русских демократах, о классовой борьбе вокруг освоения шевченковского наследия и т. д., составили повестку дня конференции.

С докладом на тему «Жизнь и творчество Т. Г. Шевченко» выступил начальник ремонтного цеха за-

вода инженер Маложилко. Его сменил на трибуне рабочий транспортно-пеха Т. Ситник, сделавший обстоятельный доклад на тему «Шевченко в борьбе против украинского и русского панства». Парторг фабрики-кухни Т. Исаенко коротко доложил о связи «выдающегося украинского поэта-борца с лучшим представителем русской демократии — с Чернышевским и Добролюбовым. Старый кадровик завода, стажером литейного цеха Т. Ширококо темой своего доклада избрал такой интересный вопрос, как фольклор в творчестве Шевченко.

Докладчики обнаружили прекрасное знание произведений поэта, понимание его роли как последователя борца против царского самодержавия и крепостничества, глубокого знакомство с критической литературой о Шевченко, аргументы свои доводы ссылались на произведения Ленина, Чернышевского, Добролюбова. Содержательные доклады, прочитанные, в основном, рабочими, свидетельствуют о том как быстро стираются у нас грани между работниками умственного и физического труда.

После каждого доклада выступали кружки заводского самодеятельного искусства, исполняя произведения на слова любимого поэта.

Десять докладов никак, конечно, нельзя было уложить в пределы одного дня.

Конференция 30 июня закончилась выступлением представителя научно-исследовательского института Т. Г. Шевченко Т. Сукачена. Она будет продолжена в ближайшие дни уже на самом заводе в Харькове.

Культурный оазис «Серпа и молота» следовало бы использовать и другим нашим крупным предприятиям.

А. КРОЛЬ.

Мы перевели «Эрроусмита» и перевели «Энн Викерс» Синклера Льюиса.

«Эрроусмит» вышел еще в 1923 г. «Энн» — на 7 лет позднее.

В «Эрроусмите» Синклер Льюис не изменил себе. Вряд ли еще где-либо (не считая разве «Гентри») он выложил более зло делательски практичным буржуазной Америки: науку, культуру, конкуррирующим фирмам; неуградивший дух доброго человека, слушавшего рекламные-рекламные проповеди и, несомненно, его санитарно-гигиенические ярмарка.

И вместе с тем книга об Эрроусмите по-настоящему лирична. В ней много надежд, в ней — субъективно-настойчивая борьба за «чистую» научную идею, за свободу науки. Пусть в ней указаны ложные пути, пусть противоречия ее второй будущим. Но Эрроусмит — единственный, пожалуй, обязательный образ Льюиса, а книга эмоциональна и очень далека от той опустошенности и художественной фальши, которые есть в «Энн».

Вы описываете, как в «Эрроусмите» Синклер Льюис, достаточно колоссальный и несколько отвлеченный от своих героев автор, пытается вместе с доктором Мартином Эрроусмитом найти убежище от убиственного меркантилизма... Начиная с санитарных стихов и балаганов директора отдела народного здоровья Пиккербуа и кончая грандиозными фешенебельными исследовательскими институтами, — все объединено одной жалкой, ползующей мыслью, бесконечно далекой от идеалов свободной науки: реклама, конкуренция, обогащение... Пусть только в мире буржуазной науки может родиться такая глубокая и безнадёжная, как для Эрроусмита, пропасть между проблемами научного исследования и врачебной практикой: первое — целомулдренная научная мысль; второе — трубая ампура, меркантилизм. Пусть Эрроусмит, познавая явную «неподкупную» науки, находит путь к внутренней чужести и бескомпромиссности в отшельничестве, в бескорыстной работе на антитерроризм, ни в чем, кроме своих собственных научных задач... Ведь это — один из сотен вариантов иллюзорных интеллигентских свобод, один из видов «бегства», духовного освобождения, индивидуалистического протеста...

Пусть это так. И все же в этом бегстве в «чистую» теорию, в этом отходе от всяческих жизненных благ, в этих поисках научной свободы и даже в иллюзорном ее торжестве горюче больше честного критического творческого темперамента, чем в первоначальном фальшивом апофеозе «честности» Энн Вилкерс. Мартин Эрроусмит — тот тип ученого, который не потерпит фанатической фальши науки; тот честный интеллигент, которого фанатизм не подкупит к профессорской кафедре. И если бы Мартин Эрроусмит, таким каким он был создан Льюисом 10—11 лет тому назад, возродился в наши дни, он должен был бы стать одним из тех, кто защищает культуру человечества от фашистских посятлений.

Насколько холоднее и плоше Энн Вилкерс — женщина-реформатор. Парадоксально, но в Мартине Эрроусмите, заперевшем себя в какой-то сарайчик-лабораторию и ищущем новый препарат химии, который быть может будет, а быть может и не будет, найдено года через 2—3, гораздо больше внутренних возможностей подлинной борьбы, чем в Энн — профессиональном, неутомимом общественном работнике. И хотя сам С. Льюис приводит к краху так называемую «общественную работу» Энн, в полной мере отвечает за ту атмосферу бесплодности, а порою и фальши, которые неотделимы от этой книги.

И все же книга переведена не напрасно. Она построена на чрезвычайном любительном материале, и только небезобидностью можно мотивировать возражения против издания «Энн Вилкерс» у нас. Ведь перед на-

ми разнообразием форм выписки деятельности американских реформаторов, перед нами та обильная «ярмарка на площади», которая, несмотря на «благие цели», порождает свободу ни от политическо-экономической фальши, ни от бесплодия всяческих мешанин иллюзий.

Беспорядочность, оборотистость, политическая ловкость — эти качества воспитываются в Энн Вилкерс университетскими скамьями для того, чтобы «закалить» ее, подготовить к будущей филантропической-реформаторской деятельности. Христианская ассоциация молодых женщин, социальное образование, филантропические сеттлмент-хаусы, наконец работа по усовершенствованию тюрьмы — все это ровным образом становится общественными «бизнесом» и рассыпается в прах при первом же столкновении с реальной социальной действительностью, к случайному разочарованию Энн и к всеполюсному спокойному скепсису удовлетворению Синклера Льюиса. И если бы не этот, несколько барский, респондентский скепсис автора, можно было бы без оговорок писать о блестящем порою изведении «высоких» иллюзий Энн на грешную землю.

Ведь в очень тонком ощущении духа «американизма» выгода нельзя было отказать Синклеру Льюису, ставшему в «Энн» и против заветному праву гражданства слову «блуждания». И здесь, во всем же наблюдателе, порою очень остроумен.

Филантропы-реформаторы верят, как белки в колесе... Главная, бесплодная, а в большинстве своем чисто рекламно-бизнесовая политиканская суета...

Энн Вилкерс, которая значилась шестой в списке «десяти наиболее полезных женщин в Роучестере», имела почетный диплом магистра искусств, читала доклады на темы о «методах американизации» и заведовала филантропическим сеттлмент-хаусом.

«В ее сеттлмент-хаусе это шестидесять семь европейских научных английских язык, что давало им возможность читать в иллюстрированных газетах, по убойства и любовные истории. Двести семидесят декуней учились шить и готовить, чтобы впоследствии, когда они обзаведутся собственным хозяйством, уметь шить для себя платья, которые будут стоить им только на 60 процентов, чем такие же готовые в универсальном магазине и за 15 центов приготовили на четырех человек питательный суп, который стоил бы по меньшей мере 10 центов, если его лучше готовить в ближайшей лавке...

... От сеттлмента разило прописанным знаком благотворительности... Этот прописанный знак вызывает достаточно выразительную брезгливость гримасу Синклера Льюиса. Его американские монстры, филантропы, излагают просто великолепно. Чего стоит знаменитая «слова магната» — Ардене Бинкетон, развивающая на каждые десять тысяч фабричных работниц по коробке конфет и не без основания оживляющая после этого появления своей фотографии в местной газете (Ардене Бинкетон со знаменитой мамой Каролин и привнесла из Франции конфетную фабрику Галстон (Иви)) Но настоящий обязательный материал (а в маленьком численности автора, подкупившего фактически обеспокоенности клип) дан в части, посвященной работе Энн Вилкерс в тюрьмах. Будь эта глава написана в добрые старые времена так называемых «преторитарных» тюрьмах — молотого Энтона Синклера пернота «Джунгли», Линкольна Стеффена, Джун Тарбелл и др., — она произвела бы огромную сенсацию. Но сейчас американский преторитарный суд еще типичней, а самому С. Льюису не хватает, несмотря на приводимые им факты, действительно «пушующего» обязательного темперамента.

В тюрьмах — беззаконие, произвол, издевательство, непомерная грязь, а главное — отсутствие какой бы то ни было воспитательной идеи, кроме как «воспитание человека». Люди, по-настоящему преступные, выходя отсюда законными, извращенными огульными преступниками. Пуска, смирительные куртки, о которых когда-то еще писал Джек Лондон, — вот методы перемещения людей в тюрьмах демократической Америки. Это страшные и по общему материалу наиболее сильные страницы книги.

По чему же роман об Энн Вилкерс, реформаторки иллюзий, с «прописанным знаком» буржуазной благотворительности, — почему этот роман в целом так бескрыл и во многом фальшив?

Почему так разражается скепсисом холодная история Льюиса, почему так пуст образ Энн?

Роман написан в общем и без обязательного и без утверждающего темперамента Равнодушие, — вот что отражает в этой книге. Образ Энн художественно неполнокровен. И это происходит потому, что ни трагически, ни торжественно не звучат страдания, в которых говорится о борьбе все же очень значительных буржуазно-интеллигентских иллюзий. Со сближением небрежной легкостью Льюис бросает Энн в водоворот ее бесплодной «деятельности», и в другом месте, на пеленке этих реформаторских надежд не возникает даже трагедии пустоты. С завидной беззаботностью Льюис отнесся к тому, что Энн Вилкерс вместе со всей ее «общественной работой» оказалась пустой, как ореховая скорлупа. Он с профессиональным равнодушием слепил счастливым концом, соединив жизнь Энн с только что освобожденным из тюрьмы судьей, человеком не моющим, но явно нечестным на руку. Льюису показалось почему-то, что Энн начинает новую жизнь, освобожденная «из тюрьмы честности», жаждя похвал, собственного «я». Но читатель не верит этому, он чувствует фальшивый лиризм и пошлость этой развязки; он видит, как автор сам оказался в этом мире пустоты.

Как-то, когда Энн была в бутарском настроении, ей пришла в голову мысль, которая могла бы стать положительной, конструктивной идеей романа. Претворившись роготами филантропов «чужие» Энн восторженно восприняла, наконец, о нашей стране, где «не считается благотворительностью лавать людям работу, лицу, образованию — то, что принадлежит им по праву». Но эта мысль затерялась в реформаторской суете, исключавшей всякую революционную идею.

Опустошенность, равнодушие, скепсисная небрежность — атмосфера этой книги.

Рядом с глубокой содержательностью и подлинной эмоциональностью «Эрроусмита» еще острее ощущается неяркая «легкость» Энн Вилкерс.

Но, повидимому, это спокойствие С. Льюиса — пройденный этап. Книга против фашистской опасности в Америке — это не может случиться здесь — говорит о том безоговорочно, что судьбы культуры, которое не может не разделять вместе со всей пережившей интеллигентней Синклера Льюиса.

Неумирающий образ мешанинских стандарта в «Ваббит» и «Главной улице», бегущие обличения «Гентри», борьба за свободную науку в «Эрроусмите» не могут ли стать гарантией глубины и искренности этой бесплодности?

Будущий историк литературы, желающий полнее и глубже осветить последние этапы удивительной жизни А. М. Горького, не сможет пройти мимо того прекрасного документа, каким является «Энн Вилкерс» — как бы сборник. Он по содержанию и по качеству своему значительнее и глубже, изданный культурно-воспитательным отделом Дмиталя [КВД СХСР, возник буквально за 2—3 дня]. Такие результаты могут дать только доброе, вызволенное отношение к делу. Именно так сборник и делался, и это дает себя чувствовать во всем: в очень внимательном, задушевном оформлении книги, в каждой строке стихов и воспоминаний, в тщательном и бережном подборе всех высказываний, в подборе Максимова о Беломом канале, о канале Волга — Москва, о воспитательной работе чекистов.

С глубокой искренностью оплакивая смерть Горького канонами поэты. Пусть неравнодушный стихий Жугельский, Шелобай, Кошарин, Смирнов, Могилянский, Пузырева и др. помещенные в сборнике. Есть в них строки, говорящие уже об известном литературном опыте их авторов, есть строки еще сырые, полные наивности, но нет строк равнодушных, той «случайности» поэзии, которую так неистово ненавидел Алексей Максимович.

Да оно и понятно. Ведь для этих людей, познавших горечь тревожной и мучительной жизни дня, Горький был не только великим символом мужества, но только гордым певцом человеческого достоинства, создателем криво близких, понятных, в самом народе подомотренных образов, но и личным другом, чутким учителем, который «их всех знал наперечет, интересовался их биографиями, их личными склонностями, вопросам их творческого роста» (С. Фирин — «У родной могилы»). В этой любви не было и не могло быть ничего филантропического: она была продиктована глубокой верой в человека и в моральную мощь социализма, способного выпрямить души, искривленные гнусным строем собственным.

И не случайно тема человека, человечности так часто и так властно вторгается в стихи, обращенные к памяти человеческого из художника.

Смелый сокол, сложивший упрямы крылья навек, Буревестник суровый в распятой парижом отчаян, Нашей родины гордый достойнейший человек. (Л. Могилянский).

Спой, смилуйку забавляя, песни, Не смейкай у колыбели леку; — Жил на свете славный буревестник, Первый в мире гордый человек. (П. Пузырев).

Глаза горячи, тяжелее веки, Утрагу попробуй — измерь, Сердце прекрасного человека Остановила смерть. (А. Моляков).

Отвечала голубые зорьки, Обвораля серца жаркий бег, Умер Алексей Максимыч Горький — Наших дней великий человек. (Ф. Шаргородский).

В каждом стихотворении — острая боль утраты, горечь сознания, что «к томому не станет новый том» (Н. Жуковский), что «оставил ваху воинственный культуры капитан» (В. Каленев) и одновременно чувство безграничной благодарности, счастья оттого, что он был, творил, оттого, что он не дал себя сломать жестокой, неприглядной действительности. Живые, могучие, смелые люди. Вспомните с его страниц...

И впереди всех — светлый, одухотворенный образ матери, героической спутницы героического сына. Он пленял воображение каналоармейских поэтов.

...Лягушат ковы в перекатом ступе, Жизнь горька, как ягода-рябина. Вот родные старческие руки Держат знамя, взятое у сына.

Эти строки были написаны Пузыревым 19 июня на карьере «Табора». В тот же день А. М. Моляков писал в Дмитрове:

Вот — сильный духом борьбы в классе, Молодость богат, Хороший юноша Павел Власов Сместся в лицо врага, Морским прибоем кипит колоннам, Песен не распелся, Навстречу жанларскому эскадру С флагом движется мать.

Сколько тяжелых слоб, которые овеяны все стихий, неизменно прорываючи утешающая мысль!

Умер Горький, но живы образы, в которые вложена большая мудрость большой жизни, образы, рожденные непрощающей ненавистью к звериной морали буржуазии и вложенной, человечнейшей любовью к порабощенной, к разумному труду; живы, остались, запечатлены в памяти человечества.

И трогательно звучат обращенные к буревестнику ревуции слова возвращенных людей о просьбой принять «человеческое спасибо за любовь, и за жизнь, за бессмертные строки» (Могилянский).

Искренностью и теплотой отличаются также и прозаическая часть сборника — воспоминания бывших правонарушителей Г. Левинской, Л. Подвижниковой, Н. Ковалева, Н. Волжского, Г. Куна и др.

Совершенно исключительный интерес представляют собранные в сборнике статьи, речи и письма Алексея Максимовича, связанные с различными датами строительства каналов. Некоторые из этих материалов неизвестны еще широкому читателю. Во всех своей могучий рост встает здесь Горький — революционный гуманист, сурово обаяющий лиризм, основанный буржуазному гуманизму, а которм, впрочем, по его мнению, «можно не говорить в наши дни, он — издох. И предлоло издох» (стр. 102).

И рядом — оценка воспитательной работы чекистов:

«Вероятно лет, эдак, через пятьдесят, когда жизнь несколько останет, и людям конца XX столетия первая половина его покажется великолепной трагедией, эпохой арелитарства, вероятно тогда будет достойно освещена искусство, а также историей, удивительная культурная работа рядовых чекистов в лагерях».

И вновь и вновь — в общих ли высканываниях о гигантской работе на строительстве каналов, в откликах ли по поводу отдельных явлений каналоармейской литературы — Алексей Максимович ставит большие, сложные проблемы общелитературного значения.

Ценность сборника не только в том, что он дает ряд положительных примеров и характеристик великого пролетарского писателя; он свидетельствует также о наличии подлинных дарований среди людей, переживших в лагерях, и напоминает критике, литературным организациям о необходимости поближе заинтересоваться всей культурной работой, осуществляемой в этих лагерях. Достаточно узнать, что в настоящее время культурно-воспитательный отдел Дмиталя регулярно выпускает журнал «На штурм трассы», газеты «Переконка» и «Каналоармейка» и обильно «Переконка» (вышло уже 28 номеров).

Алексей Максимович очень внимательно следил за этой литературой и за несколько месяцев до своей смерти выразил желание, чтобы «кто-нибудь из наших, наиболее толковых, критиков написал обзор изданий, печатаемых в лагерях, — это была бы весьма интересная и полезная работа».

Я. ЗАДЕЛМАН

ОБ «ОБЪЕКТИВНОЙ КЛАССОВОЙ ПУТАНИЦЕ» И ПРЕТЕНЦИОЗНОМ ПУТАНИКЕ

И. НУСИНОВ

Марксистская критика всегда рассматривала писателей как выразителей идей и настроений определенных классов. Противоречия во взглядах и творчестве этих писателей она объясняла противоречиями их классовой действительности. То, что Толстой был выразителем идей и настроений крестьянства, диктовало его беспощадную критику эксплуатации. Но то, что это крестьянство было патриархальное, навязало, породило его враждебную проповедь непримирения к злонадеям.

Лифшиц думает иначе. Дело не в классовой природе писателя и не в противоречиях самой классовой действительности. Дело в другом — «объективная классовая путаница» — этот недостаток размежевания классов (как в России между 1861 и 1905 гг., во Франции и Германии между 1789 и 1848 гг.), проистекающие отсюда колебания в самой народной массе, думают всею объясняют нам противоречия великих писателей, художников, гуманистов прошлого». (Статья М. Лифшица в «Лит. газ.» № 4).

Оту свою «теорию» Лифшиц пытается подкрепить ссылкой на Ленина. Ленин тоже, мол, стоял на точке зрения «объективной классовой путаницы».

«Веховец» Шенетов писал, что в 1905 г. «все перемешалось и перепуталось» «во всеобщей сумятице и бесполовничестве». Ленин ему отвечает: да, до 1905 г. «в простонародье» были действительно «перепутаны и перемешаны» «во всеобщей бесполовничестве» элементы патриархальной зажиточности и элементы демократизма.

«Тот кто пожелает вспомнить давнюю историю» русского либерализма, тот уже в отношении либерала Кавелина в демократ Чернышевского увидит тончайший прообраз отношения катедры партии либеральных буржуа к русскому демократическому движению масс! Поэтому, продолжает Лифшиц, «особенно нетерпимым бывает видеть, когда субъекты вроде Шенетова, Струве, Гредескул, Шахова и прочей катедры братья хватаются за фалды Некрасова, Шелдрина и т. п., клеветая веховцев, что в прошлом Некрасов и Шелдрин имели что-то общее с Кавелиным, вымывает у Ленина презрение и возмущение. А по Лифшицу выходит, что Кавелин или Асаков и Феты не были идеологами классовых эксплуататоров, что до 1905 г. «программы и теории интеллигентов» не были программами и теориями буржуазных идеологов. Струве, Шенетовы и их предшественники. Все это было лишь отражением того факта, что «под властью реакционной идеологии господствующих классов» оставались тогда и сами трудящиеся».

Таким же образом Лифшиц искажает по существу Маркса «Маркс торжествует Лифшиц» — писал об

эпохе Гете и Шиллера в Германии: «Здесь нельзя говорить ни о сословиях, ни о классах, а в крайнем случае лишь о бывших сословиях и неродившихся классах». Цитированные слова у Маркса сказаны в скобках. Вырванные из текста, они должны звучать как утверждение — будто в Германии тогда не было классовой борьбы, а стало бы и не было классовой идеологии.

Между тем, страницы 174, 175, 176 «Немецкой идеологии», откуда эти слова взяты, посвящены как раз утверждению той мысли, что немецкая идеология той эпохи была выражением и отражением интересов буржуазии. На 175 странице читаем о скажемся противоречии между формой, в которой эти (немецкие, — И. Н.) теоретики выражают интересы буржуев, а самими их интересами! Далее следует выражение, что Кант был «приурочивающимся» выразителем интересов немецких буржуев».

Маркс считал, что и до 1849 г. история человечества была историей борьбы классов, а философия, поэзия до 1849 г. представляла собой идеологию этих классов, и Германия в этом отношении исключения не представляла.

«Теория» «объективной классовой путаницы» является собственностью только Лифшица, а не Маркса, не Ленина. Какое содержание этой «теории»? Существует лишь небольшая группа идеологов, о которых можно сказать, что они сознательные революционеры, сознательные или бессознательные идеологи. Все же основная масса писателей до 1849 г. в Германии и даже во Франции и до 1905 года в России не были идеологами определенных классов. Сознание этих писателей характеризовалось «смешением революционных и реакционных черт». Годовы этих писателей были порою сумбура, противоречий. Путаница в головах писателей была результатом «объективной классовой путаницы». Правда, отра-

жение действительности этими писателями представляло известную ограниченность, «своеобразие» или «искаженности» в иде (подчеркнуто М. Лифшицем. — И. Н.) в конкретном смысле к защите определенных классовых интересов, а именно интересов реакционных классов, ибо «под властью реакционной идеологии господствующих классов» оставались и сами трудящиеся массы до тех пор, пока они не попали окружением их общественной действительности и через это познание внешнего мира не пришли к познанию своей общественной исторической роли, т. е. к «самосознанию» (подчеркнуто М. Лифшицем. — И. Н.).

Лифшиц «свернул» против схематичной и вульгаризаторской. У него много бестерпимого новатора в области критики, а на самом деле он откровенно вульгаризаторским образом расклевывает историю литературы (а в вообще всех идеологов) на три позиции. На одной — сознательные революционеры; на другой — сознательные или бессознательные реакционеры; на третьей — самой большой — «путаница». Затем М. Лифшиц не делает различия между массами, которые еще находятся во власти классовой чуждой им идеологии, и теориями духовных ценностей, которые выражают идеологию классов, враждебных этим массам. Между тем наша партия всегда делала это различие. Она, не в пример Лифшицу, в 1917 г. резко противопоставляла друг другу литераторов-оборонцев и в речах находившихся под властью реакционной идеологии этих оборонцев.

Какая картина истории классовой борьбы и истории идеологии рисуется в свете «теории» «объективной классовой путаницы» Лифшица?

Во все эпохи стояли друг против друга сознательные революционеры и сознательные или бессознательные реакционеры. Они, естественно, составляли меньшинственное меньшинство человечества. Это меньшинство представляло собой «прямую» и «чистую» классовую противоборствленность. Само же крестьянство в шестнадцатых годах или пролетариат и крестьянство в девятнадцатых годах оставались за чертой «прямой» и «чистой» классовую противоборствленности. Рабочий класс до 1905 г. принадлежал к «многоязычному» миру людей, которая образует «объективную классовую путаницу».

Как мало все это похоже на ленинскую концепцию двух путей капиталистического развития России, на ленинское учение, что уже с пятидесятых годов борется с одной стороны стоппоником пролетариата, а с другой стороны — стоппоником американского пути капиталистического развития в России.

Основной промах «системы» Лифшица — непонимание марксистской теории базиса и надстройки. Взаимосвязь «объективной классовой путаницы» и классовые противоречия, а сознание самих классов. Массы еще не достали до сознательной борьбы со своими угнетателями, поэтому творчество подавляющего большинства идеологов данной страны пошло противоречий.

«Зачем марксиста вскрыть объективные классовые противоречия, показать объективную классовую содержание, чтобы идеологическое факта, установленное, как противоречие того или иного идеолога вытекало из противоречий действительности и в частности из противоречий действительности его класса. А Лифшиц говорит, что пока массы «еще не достигли до сознательной и последовательной борьбы», то сами классовые противоборствленности еще не прямые, да и ныне, в идеологии еще не может быть объективным выражением объективно существующих классовых интересов».

Согласно «теории» Лифшица выхолят, что в шестнадцатых годах стояли друг против друга, с одной стороны — самодержавие, а с другой — Чернышевский и Добролюбов. В девятнадцатых — с одной стороны — то же самодержавие, а с другой стороны — кружки нашей партии во главе с Лениным. Эти две силы представляли собой в шестнадцатых и девятнадцатых годах «прямую» и «чистую» классовую противоборствленность. Само же крестьянство в шестнадцатых годах или пролетариат и крестьянство в девятнадцатых годах оставались за чертой «прямой» и «чистой» классовую противоборствленности. Рабочий класс до 1905 г. принадлежал к «многоязычному» миру людей, которая образует «объективную классовую путаницу».

Как мало все это похоже на ленинскую концепцию двух путей капиталистического развития России, на ленинское учение, что уже с пятидесятых годов борется с одной стороны стоппоником пролетариата, а с другой стороны — стоппоником американского пути капиталистического развития в России.

Основной промах «системы» Лифшица — непонимание марксистской теории базиса и надстройки. Взаимосвязь «объективной классовой путаницы» и классовые противоречия, а сознание самих классов. Массы еще не достали до сознательной борьбы со своими угнетателями, поэтому творчество подавляющего большинства идеологов данной страны пошло противоречий.

«Зачем марксиста вскрыть объективные классовые противоречия, показать объективную классовую содержание, чтобы идеологическое факта, установленное, как противоречие того или иного идеолога вытекало из противоречий действительности и в частности из противоречий действительности его класса. А Лифшиц говорит, что пока массы «еще не достигли до сознательной и последовательной борьбы», то сами классовые противоборствленности еще не прямые, да и ныне, в идеологии еще не может быть объективным выражением объективно существующих классовых интересов».

Согласно «теории» Лифшица выхолят, что в шестнадцатых годах стояли друг против друга, с одной стороны — самодержавие, а с другой — Чернышевский и Добролюбов. В девятнадцатых — с одной стороны — то же самодержавие, а с другой стороны — кружки нашей партии во главе с Лениным. Эти две силы представляли собой в шестнадцатых и девятнадцатых годах «прямую» и «чистую» классовую противоборствленность. Само же крестьянство в шестнадцатых годах или пролетариат и крестьянство в девятнадцатых годах оставались за чертой «прямой» и «чистой» классовую противоборствленности. Рабочий класс до 1905 г. принадлежал к «многоязычному» миру людей, которая образует «объективную классовую путаницу».

Как мало все это похоже на ленинскую концепцию двух путей капиталистического развития России, на ленинское учение, что уже с пятидесятых годов борется с одной стороны стоппоником пролетариата, а с другой стороны — стоппоником американского пути капиталистического развития в России.

Основной промах «системы» Лифшица — непонимание марксистской теории базиса и надстройки. Взаимосвязь «объективной классовой путаницы» и классовые противоречия, а сознание самих классов. Массы еще не достали до сознательной борьбы со своими угнетателями, поэтому творчество подавляющего большинства идеологов данной страны пошло противоречий.

«Зачем марксиста вскрыть объективные классовые противоречия, показать объективную классовую содержание, чтобы идеологическое факта, установленное, как противоречие того или иного идеолога вытекало из противоречий действительности и в частности из противоречий действительности его класса. А Лифшиц говорит, что пока массы «еще не достигли до сознательной и последовательной борьбы», то сами классовые противоборствленности еще не прямые, да и ныне, в идеологии еще не может быть объективным выражением объективно существующих классовых интересов».

Согласно «теории» Лифшица выхолят, что в шестнадцатых годах стояли друг против друга, с одной стороны — самодержавие, а с другой — Чернышевский и Добролюбов. В девятнадцатых — с одной стороны — то же самодержавие, а с другой стороны — кружки нашей партии во главе с Лениным. Эти две силы представляли собой в шестнадцатых и девятнадцатых годах «прямую» и «чистую» классовую противоборствленность. Само же крестьянство в шестнадцатых годах или пролетариат и крестьянство в девятнадцатых годах оставались за чертой «прямой» и «чистой» классовую противоборствленности. Рабочий класс до 1905 г. принадлежал к «многоязычному» миру людей, которая образует «объективную классовую путаницу».

Как мало все это похоже на ленинскую концепцию двух путей капиталистического развития России, на ленинское учение, что уже с пятидесятых годов борется с одной стороны стоппоником пролетариата, а с другой стороны — стоппоником американского пути капиталистического развития в России.

Основной промах «системы» Лифшица — непонимание марксистской теории базиса и надстройки. Взаимосвязь «объективной классовой путаницы» и классовые противоречия, а сознание самих классов. Массы еще не достали до сознательной борьбы со своими угнетателями, поэтому творчество подавляющего большинства идеологов данной страны пошло противоречий.

«Зачем марксиста вскрыть объективные классовые противоречия, показать объективную классовую содержание, чтобы идеологическое факта, установленное, как противоречие того или иного идеолога вытекало из противоречий действительности и в частности из противоречий действительности его класса. А Лифшиц говорит, что пока массы «еще не достигли до сознательной и последовательной борьбы», то сами классовые противоборствленности еще не прямые, да и ныне, в идеологии еще не может быть объективным выражением объективно существующих классовых интересов».

Согласно «теории» Лифшица выхолят, что в шестнадцатых годах стояли друг против друга, с одной стороны — самодержавие, а с другой — Чернышевский и Добролюбов. В девятнадцатых — с одной стороны — то же самодержавие, а с другой стороны — кружки нашей партии во главе с Лениным. Эти две силы представляли собой в шестнадцатых и девятнадцатых годах «прямую» и «чистую» классовую противоборствленность. Само же крестьянство в шестнадцатых годах или пролетариат и крестьянство в девятнадцатых годах оставались за чертой «прямой» и «чистой» классовую противоборствленности. Рабочий класс до 1905 г. принадлежал к «многоязычному» миру людей, которая образует «объективную классовую путаницу».

Как мало все это похоже на ленинскую концепцию двух путей капиталистического развития России, на ленинское учение, что уже с пятидесятых годов борется с одной стороны стоппоником пролетариата, а с другой стороны — стоппоником американского пути капиталистического развития в России.

Основной промах «системы» Лифшица — непонимание марксистской теории базиса и надстройки. Взаимосвязь «объективной классовой путаницы» и классовые противоречия, а сознание самих классов. Массы еще не достали до сознательной борьбы со своими угнетателями, поэтому творчество подавляющего большинства идеологов данной страны пошло противоречий.

«Зачем марксиста вскрыть объективные классовые противоречия, показать объективную классовую содержание, чтобы идеологическое факта, установленное, как противоречие того или иного идеолога вытекало из противоречий действительности и в частности из противоречий действительности его класса. А Лифшиц говорит, что пока массы «еще не достигли до сознательной и последовательной борьбы», то сами классовые противоборствленности еще не прямые, да и ныне, в идеологии еще не может быть объективным выражением объективно существующих классовых интересов».

Согласно «теории» Лифшица выхолят, что в шестнадцатых годах стояли друг против друга, с одной стороны — самодержавие, а с другой — Чернышевский и Добролюбов. В девятнадцатых — с одной стороны — то же самодержавие, а с другой стороны — кружки нашей партии во главе с Лениным. Эти две силы представляли собой в шестнадцатых и девятнадцатых годах «прямую» и «чистую» классовую противоборствленность. Само же крестьянство в шестнадцатых годах или пролетариат и крестьянство в девятнадцатых годах оставались за чертой «прямой» и «чистой» классовую противоборствленности. Рабочий класс до 1905 г. принадлежал к «многоязычному» миру людей, которая образует «объективную классовую путаницу».

Как мало все это похоже на ленинскую концепцию двух путей капиталистического развития России, на ленинское учение, что уже с пятидесятых годов борется с одной стороны стоппоником пролетариата, а с другой стороны — стоппоником американского пути капиталистического развития в России.

Основной промах «системы» Лифшица — непонимание марксистской теории базиса и надстройки. Взаимосвязь «объективной классовой путаницы» и классовые противоречия, а сознание самих классов. Массы еще не достали до сознательной борьбы со своими угнетателями, поэтому творчество подавляющего большинства идеологов данной страны пошло противоречий.

ОТ РЕДАКЦИИ

Статья т. Нусинова печатается в порядке обсуждения. Обсуждение затронутых вопросов мы продолжим в следующем номере. Редакция считает необходимым указать, что при тщательном ознакомлении со статьей т. Нусинова в № 1 журнала «ИМП» за 1934 г. мы не обнаружили в этой статье никаких упоминаний о «Литературном критике». Поэтому ссылка т. Нусинова на полемичку с т. Розентаем несостоятельна. Да и может ли сыграть на полемичку с кем бы то ни было оправдать прямо высказывание против паничной оценки творчества Л. Толстого?

1 Собр. соч., т. XVI, стр. 132.

ВЕЛИКАЯ СТАЛИНСКАЯ ХАРТИЯ

В дореволюционной царской России слово «конституция» имело особый политический смысл. Оно означало монархический, ограниченный образ правления. Образной конституцией была в те времена английская.

Русские либералы дерзали только перешептываться между собой, да и то в оглядки:

— Нам бы хотеть кудую, да конституцию.

Впервые мне довелось услышать слово «конституция» громко, на выкрик выраженное, в Гробиновском районе Петропавловской крепости, в исходе октябрьских дней 1906 года. Ко мне в залерную камеру доносился голос из внутреннего коридора, вдоль которого располагены были на камнаты. Вслед затем там началась какаля-то возня, сдавленные возгласы, стоны.

На яростный грохот в кованую дверь прибежал жандарм:

— Успокойтесь! Успокойтесь! Никого не бьют, никого не душат: это один из заключенных, нервно расстроивший. Его увезли в больницу.

В самом деле, в Петропавловке немало народу сошло с ума. Но на этот раз, как оказалось потом, жандарм обманул меня: бучу поднял человек, узнавший каким-то путем о царском манифесте 17 октября.

А через несколько дней в крепость прибыл следователь по важнейшим политическим делам, генерал Иванов. Смысл его речи, обращенной ко мне, был таков:

— Вы освобождаетесь. Идите, безжалостно продолжайте свое дело: у нас теперь конституция.

Признаюсь, меня не обидели, не возмущили слова старого, орошенного событиями жандарма. Мне трудно было удержаться от смеха.

Но едва осмелелся я на воле, стало ясно: крик «конституция», услышанный мной в каземате, был возгласом новоборозничего, при своем положении на свет задуманного злой повелухи.

Да и в какой стране, где власть остается в руках эксплуататоров, может быть такая конституция, которая ставит себе целью благо трудящихся и угнетенных? В лучшем случае дело идет лишь о некотором ослаблении опытуемых их чепей.

Ленин уже в ту пору создавал план великой социалистической революции и ковал железную партию пролетариата.

Но прошли еще годы и годы тяжелейшей борьбы, годы империалистической войны. Понадобились немощные труды гениев мысли и дела, Ленина и Сталина, чтобы партия пролетариата заняла несокрушимую позицию, направленные против фронта эксплуататоров.

Выходит ленинские декреты: о амеле, о мире. Декларация прав народов России. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа.

Поднимаю голову контрреволюции. Учредительное собрание не пожелало считаться с декларациями.

Воля пролетариата смела учредить. Диктатура пролетариата, советы — вот кто правит огнями бывшей страной царей.

В гербе советов — молот и серп. Отныне для всех стран мира это эмблема союза трудящихся фабрик и полей в борьбе против эксплуататоров.

Ленинские декларации — это начальные главы нашей Конституции, начальные главы закона, преобразованного новыми чертами эпохи Сталина.

Нет с нами Пилыча. Но гений его, революционная воля, пламенное сердце Ленина присутствовали за тем столом, за которым создавалась великая сталинская хартия!

С. БАСОВ-ВЕРХОЯНЦЕВ

ДА ЗДРАВСТВУЕТ РАЗУМ!

Проект Конституции играет роль рычага, возвращающего историю всего человечества со старых тысячелетних путей на новую дорогу всемирного развития. Перспективы, открывающиеся перед народами, столь величественны, они обещают такое всестороннее изменение в быту, в сознании, в поведении человеческой личности, что быть активным участником в этом процессе освобождения от «вехного Адама», вызывает только одно чувство — радость. Но это чувство тонет в главном, основном переживании, когда читаешь и перечитываешь проект:

Да здравствует Разум!

Какие вопросы возникают у меня при чтении текста? В проекте, поражающем глубочайшей продуманностью всех частей, стройностью, железной логикой; в проекте, отражающем творческую мысль великого трудящегося всего мира И. В. Сталина, безусловно искать пункты, требующие значительных дополнений, изменений и пр.

В прессе уже высказывались по отдельным статьям, в частности по первой статье предлагалась новая формулировка Думам, что политический смысл этой статьи настолько ясен, что разговор о том, что «судажаше», «трудовая интеллигенция» и иные слои трудящихся «как будто не находят места в этой статье», не должно быть по существу. Не возникли бы эти предложения и вопросы различных товарищей, если бы первая статья была сформулирована в применении известных слов И. В. Сталина таким образом: СССР есть социалистическое государство свободных трудящихся города и деревни». Подчеркнутые мной сталинские слова, конечно, полностью сняли бы все поправки.

Проф. Н. Л. БРОДСКИЙ

Беседа товарища Сталина с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюс пейперс» г-ном Рой Говардом 4 марта 1936 года.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ А. М. ГОРЬКОГО

Фарфоровая свинья

... Она стояла на каминной доске, рядом со старинными часами, была очень хорошо сделана и считала себя лучшей всех в кабинете.

Ее ближайшим соседом был бронзовый Меркурий: он помещался на мраморном утесе, в который был вделан циферблат часов. Тут же находилась маленькая чортка из папье-маше, гипсовый бюст Гейне и две вазы с высушенными цветами. Все они давно уже стояли на каминной доске, прекрасно знали друг друга и, когда в кабинете никого не было, вступали в беседу друг с другом. В эту ночь у них не было никакого основания отступать от усвоенной ими привычки...

Как только горничная погасила лампу и ушла, свинья недовольно сказала:

— Фи-и, как я не люблю света!

— Каждый раз вы с этого начинаете, — заметил ей чортик из папье-маше.

— Ну так что же? А все-таки я повторюсь не так часто, как часы, — возразила свинья.

— Ва! Часы! — воскликнул бюст Гейне: — Вы знаете, господа, ведь они скоро отметят людям наступление нового и последнего в столетии года!

— Как это важно! — пренебрежительно отозвалась свинья. — Точно они не делают этого каждый год...

— И каждый год есть последний в столетии, — сказал чортик.

— Так, так! — сказала часы.

— А смешная это привычка у людей ежегодно в конце декабря воображать, что пока они существуют на земле, возможно что-нибудь новое, — проговорил бюст Гейне.

— Это вы о чем? — спросила свинья; она была не из догадливых.

— Да об этом новом годе...

— Да, да, — воскликнула свинья.

— А что, знаете, просто объясняется, — сказал чортик. — Люди несчастны и ленивы, сделать что-нибудь новое сами они не могут, а жить скучно. И вот они представляют себе, что новое может явиться на земле помимо их усилий...

— Люди ленивы — это так! — докторально подтвердила свинья. — Они потому и несчастны, что ленивы, и потому — ведь она еще и грубо!

— А в сущности — так просто быть счастливым! Что такое счастье? Довольство собой... и ничто иное...

— О! — воскликнул бюст Гейне. — А знаете, сударыня: тот, кто я не обрывает, пожелай, не согласился бы о вами...

— Ну, уж я не знаю, кого вы там воображаете, — сказала свинья, однако, что всякий должен быть самим собой и только. И уверена, что если б оловянный захотел быть свиньей, они стали бы смешными, но не лучше.

— Гм! — сказала свинья. — Однако, если б я была только самим собой, то наверное не имел бы такой красивой формы... ведь я — про, сто глупо...

— Это хорошо, что вы скромны и осознаете свои недостатки, — благожелательно одобрила свинья бюст Гейне. — Но что же мешает вам сделать свиньей, если вы недовольны тем, что вы есть?

— Я, право, не думаю, что... это лучше...

— Фу, какой вы... глупый! Уже походить на простую свинью очень приятно, а если это сравнить со мною — тот достиг возможного на земле совершенства. Мы, норкширские свиньи... — я ведь норкширской породы, вы это знаете?

— О, да! Вы частенько говорите нам о вашей репутации...

— Так, так! — сказала часы.

— Мы, норкширские свиньи, давно уже выработали себе... а, так сказать, просветленный разум. Это очень просто, хотя чрезвычайно умно...

— Вот о чем вы еще никогда не говорили, — заметил чортик, усмехаясь.

— Мы, норкширские свиньи, всегда были такими, какой вы видите меня, — важно говорила фарфоровая свинья. — Это потому, что мы прежде всего убеждены в пользе и необходимости хорошего питания. Объем соков важнее обмена мыслей, — и что такое живая, хорошая мысль? Анализируйте ее... хотя бы у человека, совершенно в моем смысле и, я уверена, вы всегда найдете в ней немало хорошего ростиба, две-три капли красного вина, спаржу, трифели, свежую дичь, наконец шампанское, которое дает ей блеск и игру... Следующее за питанием место нужно отдать идеям... мы живем в такое время, когда явиться в общество без какой-нибудь идеи так же неприлично, как без галстука... И вот что особенно важно и требует много вкуса и ума — это умение выбирать хорошие, удобные идеи...

— Дело, видите ли, в том, что многие из них являют и отравляют самолюбие. Вообще же... и это самое лучшее... — нужно стараться иметь идеи при себе, но отнюдь не в себе, к сожалению, это не всем доступно... да. Для употребления в обществе следует выбирать идеи простые, здоровые... например: дважды два — четыре; годовой должен быть наука свободна, во в разумных пределах; быть блок — жестоко, но не безнравственно... и т. д. в этом духе. В сущности, это даже и не идеи, а, так себе, во, во, всякие случаи, это нечто необходимое для порядочного человека, и без таких формул его никто не признает за образованного и развитого... Говорить же о всем этом нужно с твердостью и так, будто кроме вас никто не знает того, о чем вы говорите, хотя бы говорили о недостатках небес... Впрочем, о небесах самое лучшее совсем не говорить... дело в том, что никто из нас, норкширских свиней, не видел их и, право, я не уверена в том, что они существуют... Однако, впрочем, кто-то из наших видел в дуже отраже-

ние чего-то... ну, знаете — совершенно пустого — может быть, это и есть небеса? Если так, то — какая в них польза? Или можно сказать о них? Намеченные мною темы для разговоров в обществе, три умнейшие распоряжаться ими, — самые удобные темы... и ринительно никогда никого и ни к чему не обязывают... Если важно кушать и иметь при себе порядочные идеи — это сразу приведет вас к равновесию духа и тела. Корень же счастья именно в этом равновесии... Я, конечно, говорю все это применительно к людям, потому что мы, норкширские свиньи, совершенно не нуждаемся в идеях... с нас довольно убеждения в том, что именно мы — соль земли и опора... а, и вообще — опора, устой, так сказать, или, иначе, столпы... Само собой разумеется, что при таком самолюбии мы не можем позавидать себе занимаясь какими пустяками, как оживление чего-нибудь нового, нового года, например...

— А ведь вы, сударыня, имеете взгляд и нечто, как говорится, — заметил чортик, усмехаясь. — И право, если б вы не были фарфоровой, вам следовало бы заняться сочинением книг...

— Свинья подозрительно хрюкнула и сказала:

— Не знаю, что это такое... книги. Никогда не пробовала. Это что-нибудь вроде крашеной катушки?

— Не всегда, — кратко заметил чортик.

— Смотрите-ка — воскликнул бюст Гейне. — Смотрите, какие сегодня черные тени падают от часовых стрелок на циферблат! Что бы это значило?

— Ох! Это постоянно бывает пред новым годом, — тихо ответила младшая стрелка. — Это не тени, т. е. это не простые тени, а отражение того, что не сделано людьми в течение года... Вот оно спускается и следует за нами, замедляя наше движение...

— Ничего не понимаю! — воскликнула свинья. — Почему вы так говорите?

— Я говорю, что за нами следует отражение того, что необходимо было сделать людям и что не совершено того, что не сделано людьми в течение года... Вот оно спускается и следует за нами, замедляя наше движение...

— Так, так, — подтвердили часы.

— Терпеть не могу философию, инкосяканий и прочей чепухи, — объявила свинья.

— Давно уже, — говорила часовая стрелка, — давно уже на земле нет часов, верных длиннее жизни. Все часы отстают, ибо тяжело и трудно им идти вровень с течением времени, слишком много часов людей содержит в себе и влечет за собой неслезанное, пережитое...

— Так, так, — равнодушно подтвердили часы.

— Живя идет к своей цели и требует деяний от людей, а люди, в плену своей лени, задерживают темп ее... Необходимые деяния уже совершил, но не свершили, ибо нет рук для работы дружной и святой, для работы над расширением жизни, и отстают люди от жизни...

— Нет, как они глупы! — сказала свинья.

— Это кто же, сударыня? — спросил чортик.

— Ну, разумеется, люди! Кто же может быть глуп? Люди... Вот видите — часы отстают! — Но, тем не менее, люди встретят новый год ровно в двенадцать часов! А? Какого?

— Но, может быть, они отстают на несколько минут? — сказал бюст Гейне.

— Мы, например, отстаем слишком на столетие, — спокойно сказала младшая стрелка.

— Вот видите! — с радостью воскликнула свинья. — И, оставаясь на столетие, люди встретят новый год в убеждении, что-это... какой они ждут год?

— 99-й, — сказал чорт.

— Однако! Я не думала, что люди так давно живут на земле! Быть может, они потому и глупы, что так стара, а? Ну, живя у них! Какая скучная жизнь! Какая... несчастная жизнь!

— О, Эллада! — воскликнул Меркурий. — Он чист и был бронзовым, но знает, что изображает бога и в беседах этой компании принимал участие лишь тогда, когда она знала его.

— О, Эллада! Как низко пала жизнь! Как упрощено ничтожная жизнь на земле! Даже свиньи судят о ней, и в их суждениях — увы! — я слышу голос правды...

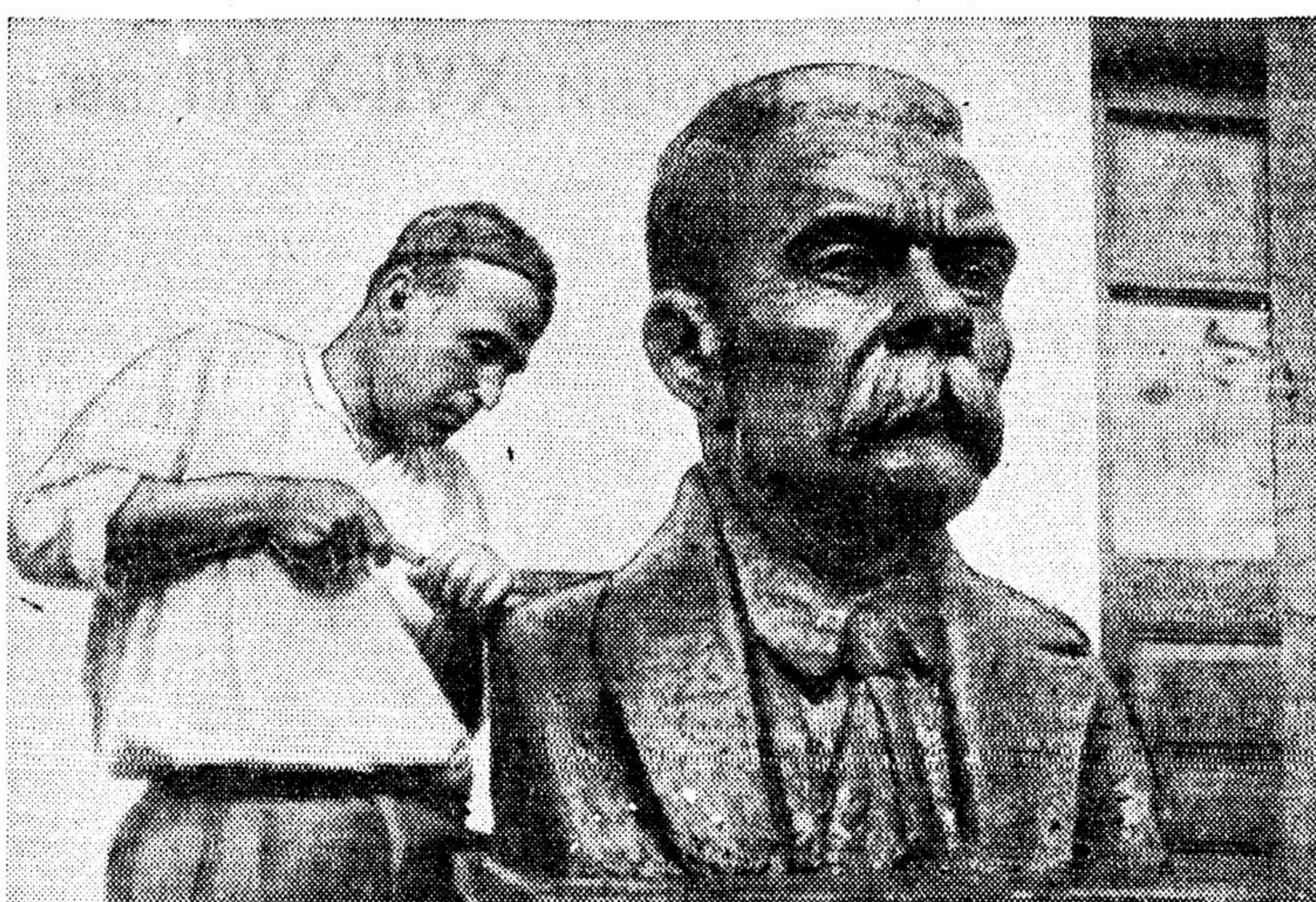
— Позвольте, однако! — гордо сказала свинья. — Что такое — даже свиньи? Как это вы, забравшаяный бог, смеете говорить: даже свиньи? Могу вас уверить, зашпатая вы фигура, что мы, норкширские...

В этот момент дверь кабинета открылась, и в него вошел человек со свечой в руках. При лампе и свете фигурки на каминной доске не разговаривая, считая это неудобным, и ссора Меркурия со свиньей оборвалась внезапно.

А человек, вошедший в кабинет, был такой толстый, румяный и, конечно, только что покушал и музыкально рыгал. Стоя перед столом, он обрывает ситару и говорил:

— И — не лю... бля п'ен-мистов! Что т-такое? Р-раз, не ж-жизнь? п'лях? Пу-устан-и! Мы встр-ажем последний год столетия... та-ак ска-зывать... с на-у-кой в руках... со... свет-чем научи... Лаучи Рен...тте... жид... кий воздух, спиематор-граф... какие картинки! Особенно к-когола она, ш-шесть, садится в ванну... мм... хе, хе, хе! И говорят — жизнь идет м-мерзко? Кто говорит? Кто-то это говорит? А! я знаю! это говорит Филипп Федорович! А отчего Филипп Федорович, говорит — жизнь п-лях? Оттого, что он имеет плохой желудок и ве... и не... поучил в Ро-ждество награды... ясно!

— Э! Д-дух! Ду-ух! Дайте мне сельтер-ской... воды...

Скульптор С. Я. Какабадзе заканчивает бюст А. М. Горького. Бюст будет установлен в Тифлисе, в Парке культуры и отдыха им. Орджоникидзе

О беспокоящей книге

— Я не мальчишка, мне сорок лет, да! Я знаю жизнь, как морщины на своих ладонях и щеках, меня нечему и некому учить. У меня семья, и чтобы создать ей благополучие, я гнуз сину двадцать лет, да! Гнуть сину — занятие не особенно легкое и совсем не приятное. Но — это было, прошло, и я теперь желаю отдохнуть от трудов жизни, — вот что я прошу повить вас, сударь мой!

Отдыхаю, я люблю почитать. Чтение — высокое удовольствие для культурного человека, а ценю книгу, она — моя дорогая привычка. Но я отнюдь не принадлежу к тем чужакам, которые бросаются на всякую книгу, как голубые на хлеб, ищут в ней какое-то новое слово и ждуть от нее указания, как жить.

И читаю с выбором только хорошие, тепло написанные книги, мне нравится, когда автор умеет показывать светлые стороны жизни, когда и дурное описывает красиво, так, что достоинство жареного не думается, наслаждаясь вкусом соуса. Нас, людей, поработавших на своем веку, книга должна утешать, она должна баюкать нас, вот что я вас скажу, сударь мой. Свой добрый отзвук — мое священное право, — кто скажет, что это не так?

Ну-с, и вот купил, я однажды книгу одного из этих новых хваленых писателей.

Купил, любезно принес домой и вечером, разрезав осторожно ленту, приступил к чтению. Должен сказать, — с предубеждением приступил. Не верю в эти молодые, симпатичные и новые таланты. Люблю Тургенева — писателя тихий, уютный, читаешь его — как густое молодое вино, и читаю, думаю: это было давно, все это прошло, прожито! Люблю Гончарова — спокойный писал, солидно, убедительно...

Но — читаю... Что за чорт! Прекрасный, точный язык, беспристрастные, этикий, знает, ремонет — очень хорошо! Прочитал один маленький рассказ, закрыл книгу, подумал... Впечатление грустное, но читать можно без боязни. Нет этих, знаете, реакций, экивоков в сторону обеспечения людей, нет стремления выставить милого брата образом своего добродетель и совершенства, нет ничего дурного, все очень просто, очень мило... Читаю еще рассказик — очень, очень хорошо! Bravo! Еще... Говорит, что когда китайцы хотят отравить какого-нибудь благоприятеля, который почему-либо надел ему, китайцы угощают его пирожным вареным. Великолепное вкушное варенье и до известного момента его кушанье с невыразимым наслаждением. Но когда наступает этот знаменитый момент — человек вдруг падает и — готово! Больше ничего и ничего ему не надо кушать, ибо он сам готов уже в липшу черным мотылькам.

Так вот и эта книга. Я прочитал ее не отрываясь. Почитал уже в постели, а когда кончил, — погасил огонь и выбрался башмаки. Лежу, спокойно взираю на потолок. Тепло и тихо...

Как вдруг, знаете, чувствуешь что-то необычное. Начинаешь казаться, что надо мною во тьме высятся и кружатся с тихим жужжаньем как-то осенние мухи, знаете этих навязчивых мух, которые умеют как-то сразу сесть вам и на нос, и на оба уха.

Продолжая публикацию малопозабитных произведений М. Горького, мы печатаем сегодня два очерка: «Фарфоровая свинья» и «О беспокоящей книге».

Очерк «Фарфоровая свинья», извлеченный нами из «Нижегородского листка» (1928 г., № 351, 25 декабря), в форме святочного рассказа обрисовывает тему о мещанстве, тему, которую в эти годы весьма остроумно и блестяще раскрыл в фельетонах, статьях и рассказах конца 90-х годов.

Очерк «О беспокоящей книге» был опубликован в том же «Нижегородском листке» (1906 г., № 357, 29 декабря) и, по нашему предположению, темой своей ставит обсуждение творчества Чехова, значения его произведений для читателей того времени.

Эти очерки не вошли ни в одну книгу, ни в одно из собраний сочинений великого русского писателя.

Оба очерка были опубликованы за подписью «М. Горький».

— Таких, как ты, — десятки тысяч на земле. Все вы всю жизнь сплите в своих теплых щелях, как тараканы, и оттого жизнь так скучна и сера.

Я прислушиваюсь к этим речам и чувствую, как будто в сердце мне залезли чьи-то тонкие, холодные пальцы, ковыряются в нем, и мне тошно, больно, беспокояно. Жизнь я когда не казалась мне особенно яркой, я смотрел на нее, как на обязанность, которая вошла в мою привычку... А впрочем, вернее сказать, я никак не смотрел на нее. Жид — и все тут. По теперь эта дурная книга окрасила ее в какой-то невыносимоскучный, досадно-серый цвет.

Люди страдают, чего-то хотят, к чему-то стремятся, а ты служишь... Чему ты служишь? Для чего? Какой смысл в этой службе? И сам ты не находишь в ней удовольствия и другим ничего не дает она... Зачем ты живешь?

Эти вопросы кусали меня, грызали, я не мог спать. А человек должен спать, сударь мой!

Со странной книгой смотрели из меня лица ее героев и спрашивала:

— Зачем живешь?

— Не ваше дело! — хотел я сказать и не мог. Какие-то шорохи, шлопы звучали в моих ушах. Мне казалось, что всякий житейский моря подхватили мои кровяки и уносили со мною куда-то в безбрежность и качают меня. Воспоминания о прошлых годах вывалили у меня что-то вроде морской болезни... Никогда я не проводил столь беспокояющей ночи, кланяюсь вам, сударь мой!

И я спрашиваю вас: какая польза человеку от книги, которая беспокоит его и не дает ему спать? Книга должна повышать мою энергию, а если она сеет пилы на мою постель, — зачем мне она, позволяете узнать? Подобные книги следует изъять из употребления, — вот что, сударь мой! Но человек нуждается в приятном, а неприятности он сам способен создавать...

Чем это кончилось? Очень просто. Я, знаете, позвучу встал с постели злой, как чорт, взял эту книгу и отнес ее к переплетчику.

А он мне ее не-ре-де-л! Переплет кривенький, тяжелей. Она стоит на нижней полке моего книжного шкафа, и когда мне весело, я, тихонько дотронувшись до нее носом, спрашиваю ее:

— Что взяла, а?

С. БАЛУХАТЫЙ

Вершины коммунистической мысли

Не могу скрыть чувства гордости, охватившего меня при чтении 22-й статьи великой сталинской Конституции, предназначенной для всего, где в первую очередь переделываются республиками, областями нашего великого Союза, значится Еврейская Автономная Область, как символ вавило-режского древнего народа.

Сердца миллионов евреев, разбросанных по всему земному шару, немощающих под гнетом национальных и социальных ограничений, движимых конституциями Запады, преисполнены чувством радости и благодарности к единственной в мире стране, как к единственной надежде всего человечества.

Сто сорок шесть параграфов сталинской Конституции — это величайший коммунистический манифест нашего времени. Они представляют собой впервые осуществленную декларацию прав человека и гражданина, и впервые в истории со всей глубочайшей открывают дух подлинной демократии.

Осуществляется тысячелетняя мечта угнетенных народов, народов-рабов, изгнанных из жизни и преданных меду только за принадлежность к той или иной расе, за ту или иную окраску кожи. Понятно радость каждого в отдельности и целых народов, почувствовавших себя в этой великой сталинской хартии равноправными хозяевами жизни, объединенными в одну братскую семью народов.

На протяжении почти двух десятилетий возникал этот величайший документ. Он вынашен отцом революции и трагической войны, угнетенных и угнетавшим — последние остатки проклятого наследия, тяготевшего над человечеством в течение тысячелетий.

Самое значительное в этом великом документе, — что он не только декларирует, но фиксирует завоеванные уже и утвержденные права человека.

Он проинкнут пафосом и героикой восхождения к вершинам коммунистической мысли.

ОСНОВЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Огромное значение проекта Конституции СССР не только в том, что она открывает самые широкие перспективы строительства жизни трудящихся, но и в том, что она закрепляет те достижения и те ценности, которыми мы, советские граждане, уже обладаем, — право на труд, на отдых и образование, — то, что является единственной основой подлинной человеческой культуры и подлинного человеческого счастья. В этом глубокая органичность сталинской Конституции, уже оправданной нашей социальной практикой. В этом и ее мировое значение, как той формы первоначального общественного бытия, которое уже стало предметом чаяния социалистичеких кругов трудящихся Запады и Востока.

Сила нового проекта — в глубокой жизненной его практичности, поскольку он обеспечивает одновременно и культурный и материальный рост человеческой личности, основанный себя участником великого строительства.

Касаясь отдельных статей Конституции, я хотел бы обратить внимание прежде всего на статью I, которую, может быть, в связи с заявленными уже в печати поправками, было бы лучше формулировать так: «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство, основанное на принципах демократии и интересов всех трудящихся». При такой формулировке удержан был бы исторический подход к Конституции, и в то же время эта формулировка находилась бы в полном соответствии со всем духом Конституции.

В статье 10, говорящей о защите законом личной собственности на трудовые доходы и сбережения, мне думается, слова «домашнего хозяйства и обихода» следовало бы изъять из «домашнего хозяйства и культурного обихода (имею в виду частные библиотеки, собрания картин и т. п.).

В статье 70 в перечисленных должностях, образующих Совет народных комиссаров СССР, следует, конечно, либо исключить возможность включения в СНК и лиц, возглавляющих органы общесоюзного значения, могущие возникнуть в дальнейшем.

Профессор Н. ГУДЗИЯ

ОДНА ПОПРАВКА

Перед тем, как писать эти строки, я еще раз, статья за статьей, прочел весь проект.

Удивительный документ! Неотраженное действие пронизывает его простота, мудрость и спокойствие. Конечно, только сталинская эпоха могла провозгласить на свет этот подлинно социалистический документ, в котором блестящая форма предельно адекватна глубокому, демократическому содержанию.

Вот почему так трудно говорить о поправках и дополнениях. Из всего, что было выдвинуто до сих пор, самое существенное, пожалуй, — это дополнение к ст. Антонова-Саратовского о том, что должностями лица являются судьями народа («Правда» от 14 июня, № 162). К этому предложению я присоединяюсь.

Кроме того, мне кажется, что в ст. 132 следовало бы заменить выражение «воинская повинность» иным. Перенести мы его понятия. В словаре Даля: повинность — обязанность, долг, что должно исполнить, отбыть. Между тем пребывание в рядах Красной армии — не только обязанность, но также и великая честь. Возможно, что начало ст. 132 следует релактивировать так:

«Всеобщий воинский труд является законом».

Проект Конституции еще и еще раз подчеркивает, что мы живем в мире совершенно ином, чем мир капиталистический.

Н. ОГНЕВ

В публичной библиотеке в Ташкенте открылась выставка, посвященная А. М. Горькому. На выставке представлены материалы, характеризующие жизненный и творческий путь великого писателя

ОЛИМПИАДА ХОРОВОГО ИСКУССТВА

Первого июля в Москве открылась Всесоюзная хоровая олимпиада, в которой принимают участие 29 коллективов — около 1500 человек. Организатором олимпиады является Всесоюзный комитет по делам искусств.

За последние годы состоялся ряд музыкальных олимпиад, но еще до сих пор мы не были свидетелями хоровой олимпиады всесоюзного масштаба. Не признавать, что в области хорового искусства во все обстоит благополучно. Это один из наиболее слабых участков нашей музыкальной культуры.

Цель олимпиады, как сообщил на торжественном открытии ее зам. председателя Комитета Я. О. Борский, — повысить внимание наших братских республик к хоровому искусству.

На что жалуются специалисты хорового дела, что ощущается нами как основной недостаток хорового исполнения? За последние годы выработался штамп бедного боевого хорового звучания — «поголосоест». Вокальное упрощение выливается в пренебрежением к смысловому содержанию, забыванием о том, что работа о звуковом раскрытии текста и музыки есть основное требование при определении качества исполнения. Хорошее певье не допускает грубого упрощения. Музыкальные левыми записками в музыке.

Учитывая уровень массовости, полагая ряд крупнейших хоровых коллективов Союза. Из них особенно сильное впечатление произвел хор Эриванской Государственной консерватории под управлением Т. Атаняна. Прекрасный чистый звук — основное достоинство этого хора. Чувство радости доставили обработки армянских песен Комитаса. В них много настоящего бережного отношения к элементам старой восточной вокальной культуры. Огромный успех выпал также на долю только что возвратившегося из концертной поездки по Чехословакии хора Всесоюзного радиокомитета под управлением В. Снегирева. Исполнение хора из «Тихого Дона» (с теноровым соло) показало его высокие мастерство. Но в предлах жанров хорового искусства не показал всех своих возможностей.

Огромный коллектив объединенных московских городских хоров в 400 человек под управлением Липинко был поставлен рядом с трогательно чистым и свежим певьем украинского пионера, вызвавшего горячие овации всего зала. Богатая хороша вокальными коллективами Украины была представлена, кроме детского хора, и каледон Дорфгофского Юго-Западных железных дорог, крепко спаянного 14-летней работой коллектива.

Ленинград — родоначальник крупнейших хоровых олимпиад — выдвинул образец замечательного массового певья под руководством заслуженного деятеля искусства Немцова.

Государственный хор немцев Польша исполнил отрывок из «Мейстерзингеров» Вагнера и романтический хор Мендельсона, но здесь в пользу коллективу надо поставить главным образом желание показать в хоровом деле стоит сейчас очень остро. В этом отношении сделало пока очень мало. Олимпиада еще раз подчеркнула необходимость создания хоровых руководителей, этих лучших пропагандистов музыкального искусства в массах.

Обилие материала вызывает большую потребность в квалифицированных руководителях. Проблема кадров в хоровом деле стоит сейчас очень остро. В этом отношении сделало пока очень мало. Олимпиада еще раз подчеркнула необходимость создания хоровых руководителей, этих лучших пропагандистов музыкального искусства в массах.

Обилие материала вызывает большую потребность в квалифицированных руководителях. Проблема кадров в хоровом деле стоит сейчас очень остро. В этом отношении сделало пока очень мало. Олимпиада еще раз подчеркнула необходимость создания хоровых руководителей, этих лучших пропагандистов музыкального искусства в массах.

Е. М. БРАУДО.

От наших корреспондентов

СТАЛИНГРАД. В первых числах июля отправлялся первую колонну своей работы литературный кружок сталинградских лесозаводов им. Куйбышева.

За год кружок провел на заводах и лесах в больших литературных вечерних посвященных творчеству современных писателей и классиков. На вечер, посвященный Пушкину, присутствовало около 2.000 рабочих и инженерно-технических работников завода.

Членами кружка собран богатый фольклорный материал: песни, сказки, частушки. Часть собранного материала напечатана в сборнике Сталинградского крайгаза «Песни лесного заповедника», остальная будет использована в других сборниках.

ИВАНОВО. Горсовет решил установить ежегодную премию имени Максима Горького за лучшее литературно-художественное произведение ивановских писателей. Решено также переименовать центральную усадьбу в ул. Горького, присвоить одну из средних школ и парк культуры и отдыха имя Горького, открыть в центральной библиотеке кабинет Максима Горького.

Областное правление ССП высылает бригаду писателей в составе Г. Горбунова, А. Благова, А. Князева, А. Киселева и М. Маркова в Гейковский и Роликовский районы для проведения литературных вечеров, посвященных памяти А. М. Горького.

РОЖДЕНИЕ ЦВЕТНОГО КИНО

«СОЛОВЕЙ-СОЛОВУШКО», ПРОИЗВОДСТВО ФАБРИКИ МЕЖРАБПОФИЛЬМ

В свое время Николай Экк сделал дереву звуковую картину в советском художественном кино — извещению «Путь в жизнь», которая охватила все экраны мира. Во многом грубоватая, местами мелодраматичная, эта картина сделала все же талантливой рукой. Ее образы, ваятые на действительности, проделали обратный путь, они вернулись в жизнь под именами героев картины и остались в памяти зрителя как образы реальных людей, когда-то встреченных им в жизни.

При всех своих крупных недостатках это была новаторская картина. Она впервые показала, какие огромные возможности таит в себе звуковое повествование кино для раскрытия большой социальной темы, для построения глубоких человеческих образов.

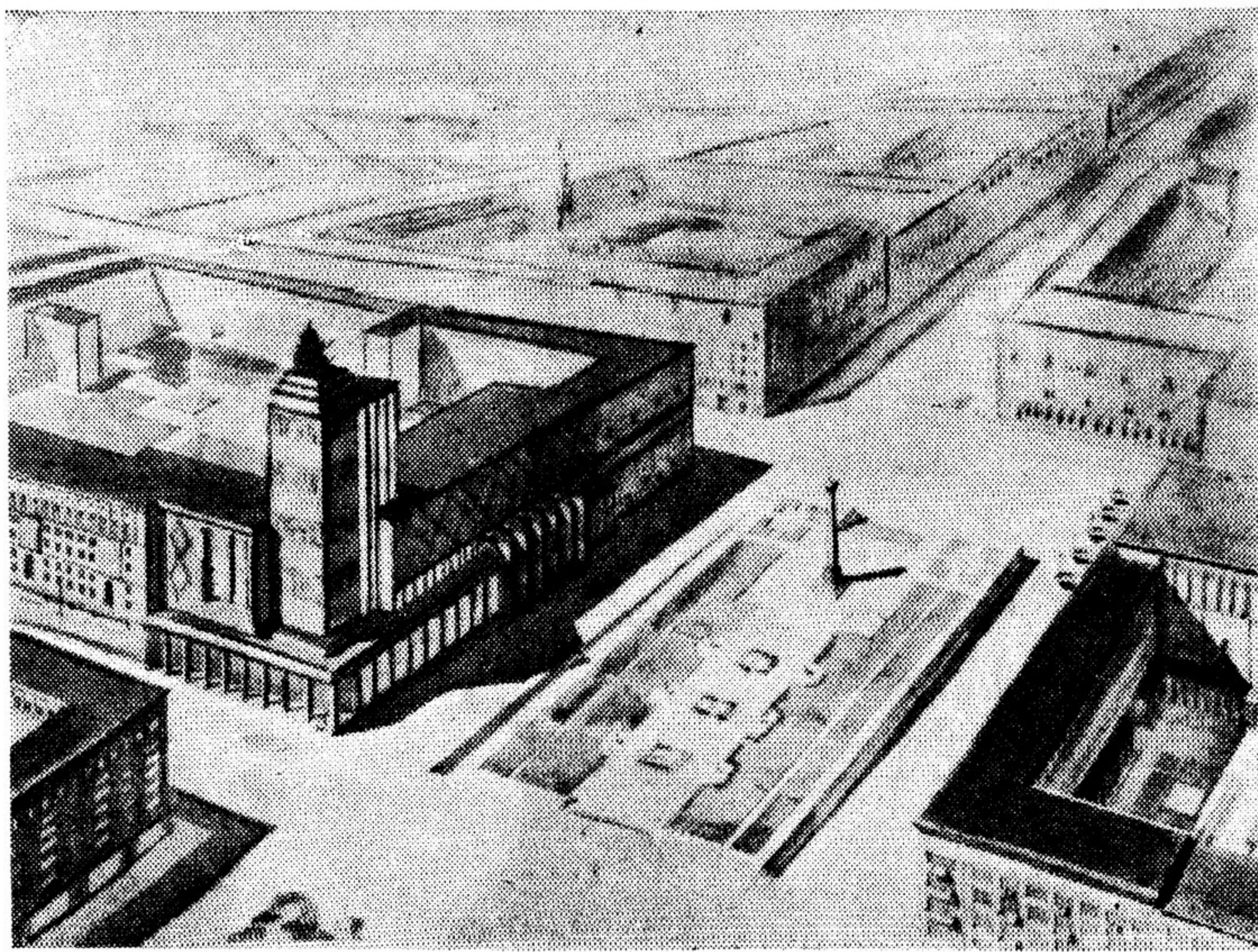
Теперь Экк выступает в первом цветном фильме, которому тоже суждено сыграть крупную роль в развитии советского кинематографа. Фильм сделан им с той же смелостью, что и «Путь в жизнь». Не экспансивный, не эпический, не вступивший в спор, в котором пробуются еще непроверенные средства цветного кино. «Соловей-соловушка» — большая полнометражная картина с развитым сюжетом и с серьезно поставленной темой. В фильме рассказывается о первых шагах революционного движения среди рабочих фарфоровой фабрики в начале двадцатого века, в нем дана широкая картина событий, в которых участвуют большие массы людей. Драма захватывает в своем движении многообразные социальные группы. Фильм воспроизводит деревенский мирный труд, с типичными эксплуататорскими отношениями. На экране проходит тесная связь деревенской фабрики, наполненной трудящимися фарфоровой пылью, грязью, баками, где рабочие спят вповалку. В первой же части автор фильма

аводит зрителя в центр драматических событий: картина начинается с полжизни фарфоровой фабрики, который устремляет сам владелец фабрики для получения страховой премии. Во время пожара погибает много рабочих, не успевших выбраться из горящего здания. Заключается фильм восстанием всей фабрики. Тысячная толпа женщин вступает в бой с отрядами жандармов. Обо всем этом фильм рассказывает просто, умело находя верные бытовые детали, показывая постепенное нарастание революционного настроения рабочих.

Основное внимание в картине уделено событиям крупного социального масштаба. В ней даны только 2-3 персонажа, имеющие самую личную судьбу в событиях драмы. Один из них — молодая девушка Грета, которая к финалу вырастает из застенчивой мечтательницы в одного из самых ярких женских коллективов рабочих. Другой — машинист Воронов, член полковой революционной организации — выполняет роль идеолога революционной борьбы.

Развертывая сложную цепь событий, авторы пользуются самой разнообразной палитрой цветовых комбинаций, фактурой: комбинированными интерьерами, пейзажами различного колорита. Здесь и пожар на фарфоровой фабрике, и костюмированный бал во дворе Солдатского промышленника, и взылая крупным планом ветка дерева с цветами и с надгробиями яблочка.

В самых разнообразных комбинациях старается режиссер использовать всевозможные цвета и краски. Далеко не все здесь найдено удачно. Встречаются кадры, в которых краски кажутся мертвыми, как будто взылая по своему драматическому смыслу и по передаче цвета. Сценарий эти доходы до той степени реализма, которая недопустима одноцветному кино.

Проект площади Маяковского (Архитектурно-планировочная мастерская Моссовета № 1)

ИНОСТРАННЫЕ ПИСАТЕЛИ О СОВЕТСКИХ ИЗДАНИЯХ

ЛЕНИНГРАД, в. (Наш корр.). Ленинградцы с большим интересом читают издаваемые в Москве журналы «Иностранная литература» и «Звезда». Эти журналы являются прекрасными пособиями для изучения русского языка и культуры. Они содержат много интересного материала, который не только расширяет кругозор читателей, но и способствует развитию их творческих способностей.

— Я чрезвычайно благодарен вам за присланные издания, — сообщает Лион Фейхтвангер. — Осенью я определено приеду в Ленинград и буду рад поговорить с вами о выпускаемой издательством продукции. Что касается сборника моих избранных драм, которые вы предполагаете выпустить в 1937 году, я буду благодарен, если в основу этого издания вы положите издание «Квартет», много подготовленное к печати.

— С большой благодарностью подтверждаю получение вашей литературной посылки, — пишет Томас Манн. — Я получил большое удовольствие от этих прекрасных изданий, которые без сомнения доставят вашей публике удовольствие и польза. Я рад был узнать, что первый том «Буденбродов» вы уже выпустили и что вскоре предстоит выпуск второго тома.

— Очень благодарю вас за книги, — пишет Теодор Драйвер. Приятно слышать, что вы собираетесь издать «Американскую трагедию». Я хотел бы уметь читать по-русски, чтобы иметь возможность посмотреть, как получается перевод.

— С большой благодарностью подтверждаю получение вашей литературной посылки, — пишет Томас Манн. — Я получил большое удовольствие от этих прекрасных изданий, которые без сомнения доставят вашей публике удовольствие и польза. Я рад был узнать, что первый том «Буденбродов» вы уже выпустили и что вскоре предстоит выпуск второго тома.

— Очень благодарю вас за книги, — пишет Теодор Драйвер. Приятно слышать, что вы собираетесь издать «Американскую трагедию». Я хотел бы уметь читать по-русски, чтобы иметь возможность посмотреть, как получается перевод.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ НА ЭКРАНЕ

Крупнейшие киностудии Советского Союза работают в настоящее время над фильмами по сценариям, написанным на сюжеты произведений иностранных писателей.

Фабрика Белгоскино готовит фильм «Соловей» — по одноименному произведению белорусского писателя Д. Валузи. Сценарий — Д. Валузи и Н. Таубе. Режиссер — Э. Оршанский.

Г. Мгливанц использует для этого сценария мотивы произведений грузинских классиков К. Церетели, Чавчавадзе и Кларимашвили. Режиссер картины «Потерянный рай» — Д. Рондели.

Ленинфильм к концу 1936 года выпустит на экран большую картину «Петр I» — по одноименному роману А. Толстого. Режиссер фильма — В. Петров. На этой же фабрике находится в производстве фильм: «Сугачев» — по одноименному роману О. Форш (режиссер — П. Петров-Питропа).

Госкинопром Грузии работает над картиной «Потерянный рай». Автор сценария — Д. Рондели.

Г. Мгливанц использует для этого сценария мотивы произведений грузинских классиков К. Церетели, Чавчавадзе и Кларимашвили. Режиссер картины «Потерянный рай» — Д. Рондели.

„ТИХИЙ ДОН“ В ЗЕЛЕНОМ ТЕАТРЕ

Сегодня в Зеленом театре Центрального парка культуры и отдыха ленинградский Малый оперный театр показывает оперу «Тихий Дон» в новой сценической редакции.

В связи с тем хоровой и балетный коллективы театра значительно усилены профессиональными и самодеятельными ансамблями ЦПКЮ. Общее количество действующих лиц будет составлять около тысячи человек.

Новое сценическое оформление спектакля для Зеленого театра выполнено художником Г. Рудя. Постановка осуществляется режиссером М. А. Терешковичем, дирижер — И. Е. Шерман.

Не приходится, конечно, доказы-

В КОЛХОЗЕ ИМЕНИ ПУШКИНА

Имя великого русского поэта носит колхоз Мелеузовского района в Башкирии.

Отметая годовщину рождения Пушкина, правление колхоза провело совещание актива колхозников. На совещании решили: ликвидировать неработоспособность и малограмотность среди колхозников, образцово поставить работу избыв-читальни, организовать в ней пушкинский уголок. Решено также озеленить свой колхоз.

В пушкинские странички районной газеты помещены корреспонденции и из других колхозов. Колхозные колхозники, давая свои оценки творчеству поэта, обязуются ознакомиться с ним через читательские кружки всех колхозников.

Члены этого колхоза, узнав о том, что страна широко готовится к столетнему юбилею со дня смерти Пушкина, решили и у себя начать подготовку к юбилею. Их инициативу подхватила районная газета «За урожай». В номере газеты от 6 июня, посвященном 137-летию годовщине со дня рождения поэта, целая страница была отведена его творчеству.

Правление ассигновало 200 рублей на приобретение произведений Пушкина. Драмкружок колхоза взялся подготовить два отрывка из пьесы «Борис Годунов».

К нему не зарастет народная тропа.

Здесь помимо популярно изложенной биографии поэта, мы находим и корреспонденцию из колхоза имени Пушкина.

К нему не зарастет народная тропа.

К нему не зарастет народная тропа.

Здесь помимо популярно изложенной биографии поэта, мы находим и корреспонденцию из колхоза имени Пушкина.

К нему не зарастет народная тропа.

К нему не зарастет народная тропа.

Здесь помимо популярно изложенной биографии поэта, мы находим и корреспонденцию из колхоза имени Пушкина.

К нему не зарастет народная тропа.

К нему не зарастет народная тропа.

Здесь помимо популярно изложенной биографии поэта, мы находим и корреспонденцию из колхоза имени Пушкина.

К нему не зарастет народная тропа.

К нему не зарастет народная тропа.

Здесь помимо популярно изложенной биографии поэта, мы находим и корреспонденцию из колхоза имени Пушкина.

К нему не зарастет народная тропа.

К нему не зарастет народная тропа.

Здесь помимо популярно изложенной биографии поэта, мы находим и корреспонденцию из колхоза имени Пушкина.

К нему не зарастет народная тропа.

К нему не зарастет народная тропа.

Здесь помимо популярно изложенной биографии поэта, мы находим и корреспонденцию из колхоза имени Пушкина.

К нему не зарастет народная тропа.

К нему не зарастет народная тропа.

Здесь помимо популярно изложенной биографии поэта, мы находим и корреспонденцию из колхоза имени Пушкина.

К нему не зарастет народная тропа.

К нему не зарастет народная тропа.

Здесь помимо популярно изложенной биографии поэта, мы находим и корреспонденцию из колхоза имени Пушкина.

К нему не зарастет народная тропа.

К нему не зарастет народная тропа.

Здесь помимо популярно изложенной биографии поэта, мы находим и корреспонденцию из колхоза имени Пушкина.

К нему не зарастет народная тропа.

К нему не зарастет народная тропа.

Здесь помимо популярно изложенной биографии поэта, мы находим и корреспонденцию из колхоза имени Пушкина.

К нему не зарастет народная тропа.

К нему не зарастет народная тропа.

Здесь помимо популярно изложенной биографии поэта, мы находим и корреспонденцию из колхоза имени Пушкина.

К нему не зарастет народная тропа.

К нему не зарастет народная тропа.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Твердая линия советской критики, справедливо повышенные требования к советскому писателю, встречает полное и единодушное одобрение. Строгий критик является естественным отражением роста общей культуры в стране и повышенных требований самой читательской массы.

Б. Левин зачисляется в последнее время чуть ли не в пошляки. Разумеется, Б. Левин, как и все без исключения писатели, нуждается в систематической помощи добросовестной критики. Мы горячо приветствуем всякое критическое выступление, согретым искренним стремлением помочь писателю, указать ему на ошибки, предостеречь его от ложной и вредной линии в творчестве. Но мы протестуем против легкомысленного, поверхностного и необъяснимого враждебного отношения к талантливому писателю, от кого бы оно ни исходило.

Однако в общем потоке совершенно справедливых и обоснованных выступлений, цель которых — помочь писателю и правильно ориентировать читателя, мы встречаем иногда неподобающие опыты, самый метод которых вызывает недоумение и заставляет сомневаться в добрых, искренних интересах литературы намерениях критика.

Сборник рассказов «Голубые конверты» я еще не успел прочитать, но по роману «Юнона» знаю Б. Левина как даровитого советского писателя и целиком присоединяюсь к протесту товарищей против «критики» Б. Левина, которая за последнее время выливается в травлю Б. Левина.

Очень благодарю вас за книги, — пишет Теодор Драйвер. Приятно слышать, что вы собираетесь издать «Американскую трагедию». Я хотел бы уметь читать по-русски, чтобы иметь возможность посмотреть, как получается перевод.

Я бы продолжил пожелания товарищей и внес просьбу-предложение о том, чтобы Б. Левину — хотя бы однажды — отвести на страницах «Литературного критика» большую и серьезную исследовательскую статью, ибо он того вполне заслуживает.

Очень благодарю вас за книги, — пишет Теодор Драйвер. Приятно слышать, что вы собираетесь издать «Американскую трагедию». Я хотел бы уметь читать по-русски, чтобы иметь возможность посмотреть, как получается перевод.

Я бы продолжил пожелания товарищей и внес просьбу-предложение о том, чтобы Б. Левину — хотя бы однажды — отвести на страницах «Литературного критика» большую и серьезную исследовательскую статью, ибо он того вполне заслуживает.

Очень благодарю вас за книги, — пишет Теодор Драйвер. Приятно слышать, что вы собираетесь издать «Американскую трагедию». Я хотел бы уметь читать по-русски, чтобы иметь возможность посмотреть, как получается перевод.

Я бы продолжил пожелания товарищей и внес просьбу-предложение о том, чтобы Б. Левину — хотя бы однажды — отвести на страницах «Литературного критика» большую и серьезную исследовательскую статью, ибо он того вполне заслуживает.

Очень благодарю вас за книги, — пишет Теодор Драйвер. Приятно слышать, что вы собираетесь издать «Американскую трагедию». Я хотел бы уметь читать по-русски, чтобы иметь возможность посмотреть, как получается перевод.

Я бы продолжил пожелания товарищей и внес просьбу-предложение о том, чтобы Б. Левину — хотя бы однажды — отвести на страницах «Литературного критика» большую и серьезную исследовательскую статью, ибо он того вполне заслуживает.

Очень благодарю вас за книги, — пишет Теодор Драйвер. Приятно слышать, что вы собираетесь издать «Американскую трагедию». Я хотел бы уметь читать по-русски, чтобы иметь возможность посмотреть, как получается перевод.

Я бы продолжил пожелания товарищей и внес просьбу-предложение о том, чтобы Б. Левину — хотя бы однажды — отвести на страницах «Литературного критика» большую и серьезную исследовательскую статью, ибо он того вполне заслуживает.

Очень благодарю вас за книги, — пишет Теодор Драйвер. Приятно слышать, что вы собираетесь издать «Американскую трагедию». Я хотел бы уметь читать по-русски, чтобы иметь возможность посмотреть, как получается перевод.

Я бы продолжил пожелания товарищей и внес просьбу-предложение о том, чтобы Б. Левину — хотя бы однажды — отвести на страницах «Литературного критика» большую и серьезную исследовательскую статью, ибо он того вполне заслуживает.

Очень благодарю вас за книги, — пишет Теодор Драйвер. Приятно слышать, что вы собираетесь издать «Американскую трагедию». Я хотел бы уметь читать по-русски, чтобы иметь возможность посмотреть, как получается перевод.

Я бы продолжил пожелания товарищей и внес просьбу-предложение о том, чтобы Б. Левину — хотя бы однажды — отвести на страницах «Литературного критика» большую и серьезную исследовательскую статью, ибо он того вполне заслуживает.

Очень благодарю вас за книги, — пишет Теодор Драйвер. Приятно слышать, что вы собираетесь издать «Американскую трагедию». Я хотел бы уметь читать по-русски, чтобы иметь возможность посмотреть, как получается перевод.

Я бы продолжил пожелания товарищей и внес просьбу-предложение о том, чтобы Б. Левину — хотя бы однажды — отвести на страницах «Литературного критика» большую и серьезную исследовательскую статью, ибо он того вполне заслуживает.

Очень благодарю вас за книги, — пишет Теодор Драйвер. Приятно слышать, что вы собираетесь издать «Американскую трагедию». Я хотел бы уметь читать по-русски, чтобы иметь возможность посмотреть, как получается перевод.

Я бы продолжил пожелания товарищей и внес просьбу-предложение о том, чтобы Б. Левину — хотя бы однажды — отвести на страницах «Литературного критика» большую и серьезную исследовательскую статью, ибо он того вполне заслуживает.

Очень благодарю вас за книги, — пишет Теодор Драйвер. Приятно слышать, что вы собираетесь издать «Американскую трагедию». Я хотел бы уметь читать по-русски, чтобы иметь возможность посмотреть, как получается перевод.

Я бы продолжил пожелания товарищей и внес просьбу-предложение о том, чтобы Б. Левину — хотя бы однажды — отвести на страницах «Литературного критика» большую и серьезную исследовательскую статью, ибо он того вполне заслуживает.

Очень благодарю вас за книги, — пишет Теодор Драйвер. Приятно слышать, что вы собираетесь издать «Американскую трагедию». Я хотел бы уметь читать по-русски, чтобы иметь возможность посмотреть, как получается перевод.

Я бы продолжил пожелания товарищей и внес просьбу-предложение о том, чтобы Б. Левину — хотя бы однажды — отвести на страницах «Литературного критика» большую и серьезную исследовательскую статью, ибо он того вполне заслуживает.

Очень благодарю вас за книги, — пишет Теодор Драйвер. Приятно слышать, что вы собираетесь издать «Американскую трагедию». Я хотел бы уметь читать по-русски, чтобы иметь возможность посмотреть, как получается перевод.

Я бы продолжил пожелания товарищей и внес просьбу-предложение о том, чтобы Б. Левину — хотя бы однажды — отвести на страницах «Литературного критика» большую и серьезную исследовательскую статью, ибо он того вполне заслуживает.

Очень благодарю вас за книги, — пишет Теодор Драйвер. Приятно слышать, что вы собираетесь издать «Американскую трагедию». Я хотел бы уметь читать по-русски, чтобы иметь возможность посмотреть, как получается перевод.

Я бы продолжил пожелания товарищей и внес просьбу-предложение о том, чтобы Б. Левину — хотя бы однажды — отвести на страницах «Литературного критика» большую и серьезную исследовательскую статью, ибо он того вполне заслуживает.

Очень благодарю вас за книги, — пишет Теодор Драйвер. Приятно слышать, что вы собираетесь издать «Американскую трагедию». Я хотел бы уметь читать по-русски, чтобы иметь возможность посмотреть, как получается перевод.

Я бы продолжил пожелания товарищей и внес просьбу-предложение о том, чтобы Б. Левину — хотя бы однажды — отвести на страницах «Литературного критика» большую и серьезную исследовательскую статью, ибо он того вполне заслуживает.

Очень благодарю вас за книги, — пишет Теодор Драйвер. Приятно слышать, что вы собираетесь издать «Американскую трагедию». Я хотел бы уметь читать по-русски, чтобы иметь возможность посмотреть, как получается перевод.

Я бы продолжил пожелания товарищей и внес просьбу-предложение о том, чтобы Б. Левину — хотя бы однажды — отвести на страницах «Литературного критика» большую и серьезную исследовательскую статью, ибо он того вполне заслуживает.

Очень благодарю вас за книги, — пишет Теодор Драйвер. Приятно слышать, что вы собираетесь издать «Американскую трагедию». Я хотел бы уметь читать по-русски, чтобы иметь возможность посмотреть, как получается перевод.

Я бы продолжил пожелания товарищей и внес просьбу-предложение о том, чтобы Б. Левину — хотя бы однажды — отвести на страницах «Литературного критика» большую и серьезную исследовательскую статью, ибо он того вполне заслуживает.

Очень благодарю вас за книги, — пишет Теодор Драйвер. Приятно слышать, что вы собираетесь издать «Американскую трагедию». Я хотел бы уметь читать по-русски, чтобы иметь возможность посмотреть, как получается перевод.

Я бы продолжил пожелания товарищей и внес просьбу-предложение о том, чтобы Б. Левину — хотя бы однажды — отвести на страницах «Литературного критика» большую и серьезную исследовательскую статью, ибо он того вполне заслуживает.

Очень благодарю вас за книги, — пишет Теодор Драйвер. Приятно слышать, что вы собираетесь издать «Американскую трагедию». Я хотел бы уметь читать по-русски, чтобы иметь возможность посмотреть, как получается перевод.

Я бы продолжил пожелания товарищей и внес просьбу-предложение о том, чтобы Б. Левину — хотя бы однажды — отвести на страницах «Литературного критика» большую и серьезную исследовательскую статью, ибо он того вполне заслуживает.

Очень благодарю вас за книги, — пишет Теодор Драйвер. Приятно слышать, что вы собираетесь издать «Американскую трагедию». Я хотел бы уметь читать по-русски, чтобы иметь возможность посмотреть, как получается перевод.

Я бы продолжил пожелания товарищей и внес просьбу-предложение о том, чтобы Б. Левину — хотя бы однажды — отвести на страницах «Литературного критика» большую и серьезную исследовательскую статью, ибо он того вполне заслуживает.

Очень благодарю вас за книги, — пишет Теодор Драйвер. Приятно слышать, что вы собираетесь издать «Американскую трагедию». Я хотел бы уметь читать по-русски, чтобы иметь возможность посмотреть, как получается перевод.

Я бы продолжил пожелания товарищей и внес просьбу-предложение о том, чтобы Б. Левину — хотя бы однажды — отвести на страницах «Литературного критика» большую и серьезную исследовательскую статью, ибо он того вполне заслуживает.

Очень благодарю вас за книги, — пишет Теодор Драйвер. Приятно слышать, что вы собираетесь издать «Американскую трагедию». Я хотел бы уметь читать по-русски, чтобы иметь возможность посмотреть, как получается перевод.

Я бы продолжил пожелания товарищей и внес просьбу-предложение о том, чтобы Б. Левину — хотя бы однажды — отвести на страницах «Литературного критика» большую и серьезную исследовательскую статью, ибо он того вполне заслуживает.

Очень благодарю вас за книги, — пишет Теодор Драйвер. Приятно слышать, что вы собираетесь издать «Американскую трагедию». Я хотел бы уметь читать по-русски, чтобы иметь возможность посмотреть, как получается перевод.

Я бы продолжил пожелания товарищей и внес просьбу-предложение о том, чтобы Б. Левину — хотя бы однажды — отвести на страницах «Литературного критика» большую и серьезную исследовательскую статью, ибо он того вполне заслуживает.

Очень благодарю вас за книги, — пишет Теодор Драйвер. Приятно слышать, что вы собираетесь издать «Американскую трагедию». Я хотел бы уметь читать по-русски, чтобы иметь возможность посмотреть, как получается перевод.

Я бы продолжил пожелания товарищей и внес просьбу-предложение о том, чтобы Б. Левину — хотя бы однажды — отвести на страницах «Литературного критика» большую и серьезную исследовательскую статью, ибо он того вполне заслуживает.

Очень благодарю вас за книги, — пишет Теодор Драйвер. Приятно слышать, что вы собираетесь издать «Американскую трагедию». Я хотел бы уметь читать по-русски, чтобы иметь возможность посмотреть, как получается перевод.

Я бы продолжил пожелания товарищей и внес просьбу-предложение о том, чтобы Б. Левину — хотя бы однажды — отвести на страницах «